

Журнал зарегистрирован Министерством связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации
Свидетельство о регистрации ПИ ФС 77 - 40505

Мир политики и социологии

№ 3, 2011

Санкт-Петербург
2011

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Чибинев В.М., главный редактор журнала «Мир политики и социологии», декан факультета права и экономической безопасности Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета, кандидат экономических наук, доктор юридических наук, профессор

Бейдина Т.Е., доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой государственного, муниципального управления и политики Читинского государственного университета

Бродский М.Н., доктор экономических наук, доктор юридических наук, профессор

Гончаренко Л.Н., доктор философских наук, профессор

Глущенко П.П., декан юридического факультета Санкт-Петербургской академии управления и экономики, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, почетный адвокат России

Крылов Д.А., доктор философских наук, доцент, заместитель руководителя исполнкома Забайкальского регионального отделения политической партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ»

Малышев А.В., заместитель руководителя управления по внутренней политике Администрации Президента Российской Федерации, кандидат экономических наук, доцент

Макаров А.В., директор Юридического института Читинского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Масленников Д.В., проректор по научной работе Национального открытого института России, доктор философских наук, профессор

Никулин А.Г., начальник кафедры политологии и социологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат философских наук, доцент

Оганян К.Н., доктор философских наук, профессор

Родионова А.К., доктор политических наук, профессор Байкальского государственного университета экономики и права

Швецов М.Ю., доктор педагогических наук, профессор, директор института социально-политических систем Читинского государственного университета

Шемелин А.В., заместитель главы администрации Читинского района Забайкальского края, кандидат юридических наук, доцент

Адрес редакции: 198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б.

Ответственность за достоверность сведений в опубликованных статьях несут авторы. Полная или частичная перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, допускается только с письменного разрешения редакции журнала.

СОДЕРЖАНИЕ**Правовые аспекты политических процессов**

<i>Шемелин А.В., Родионова А.К., Гонштейн В.Д.</i>	Концептуальные подходы к утверждению принципов демократии и реформирование избирательной системы в России	4
--	--	---

Социология права

<i>Молчанова М.В.</i>	Криминология, девиантология и социология права	14
-----------------------	--	----

Социальная экономика

<i>Моттаева А.Б.</i>	Место и роль политico-социальный подхода в классификации типов экономики регионов	22
<i>Шлафман А.И.</i>	Группа социальных регуляторов корпоративной культуры предпринимательских структур	28
<i>Радушинский Д.А.</i>	Дуализм современной философии потребления и возможности «нового маркетинга» для духовного развития личности	36
Информация для авторов		41

CONTENTS**Legal aspects of political processes**

<i>Shemelin A.V. Rodionova A.K. Gonshtein V.D.</i>	Conceptual approaches to approval of democratic principles and reform of electoral system in Russia	4
--	--	---

Sociology of law

<i>Molchanova M.V.</i>	Criminology, deviantology and sociology of law	14
------------------------	--	----

Social economy

<i>Mottaeva A.B.</i>	The place and role of political-social approach in the classification of types of economic regions	22
<i>Shlafman A.I.</i>	Group of social regulators of corporate culture of enterprise structures	28
<i>Radushinsky D.A.</i>	The duality of a modern consummation theory and the possibilities for the arising of a “new marketing” aimed at the inner development of an individuality.	36
Information for the authors		41

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

ШЕМЕЛИН Аркадий Валерьевич,
заместитель главы администрации Читинского
района Забайкальского края,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: shemelinAV@ya.ru

РОДИОНОВА Антонида Кузьминична,
доктор политических наук, профессор Байкальского
государственного университета экономики и права
E-mail: rodionova@gmail.ru

ГОНШТЕЙН Владимир Дмитриевич,
аспирант Читинского государственного
университета
E-mail: chitayrist75@yandex.ru

**Специальность 23.00.02 – Политические
институты, этнополитическая конфликтология,
национальные и политические процессы и
технологии**

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К УТВЕРЖДЕНИЮ ПРИНЦИПОВ ДЕМОКРАТИИ И РЕФОРМИРОВАНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ

Аннотация. В статье рассматривается эволюция взглядов различных исследователей на становление демократии, систематизируются концептуальные подходы к реформированию российской избирательной системы.

Ключевые слова: избирательная система, избиратель, выборы, избирательные процессы, демократия, Конституция, политическая система, общество.

SHEMELIN A.V.
RODIONOVA A.K.
GONSHTEIN V.D.

CONCEPTUAL APPROACHES TO APPROVAL OF DEMOCRATIC PRINCIPLES AND REFORM OF ELECTORAL SYSTEM IN RUSSIA

The summary. The article considers development of different researchers' points of view on making of demography, methodizes conceptual approaches to approval of reform of Russian electoral system.

Key words: electoral system, elector, election, election processes, demography, the Constitution, political system, society.

Формирование концепций и подходов к пониманию путей развития избирательной системы

в России соответствовали целям и задачам формирования демократических институтов и

утверждения плебисцитарной избирательной системы. Неустойчивость социально-политического и экономического положения в стране накладывали свой отпечаток на видение конечной цели, порождая споры и неоднозначные выводы.

На первом этапе, в начале 90-х годов активно обсуждались возможности прямого «копирования» или воспроизведения институтов западного общества в России. Отсутствие всесторонних и детальных знаний о существующем положении вещей в стране, позволяющих понять, какие именно аспекты зарубежной юридической практики могли быть успешно перенесены в российскую институциональную среду, стали известным препятствием для прямого транзита. Особенности формирования новой политической системы, становления правового государства на условиях утверждения принципов демократии, создания либеральных основ экономики и наличие консервативных сил в условиях нарастающего экономического кризиса стали условием для выбора будущей модели конституционной демократии. Выделяются две модели такого перехода: первая, договорная, основанная на согласии сил о признании базовых ценностей гражданского общества и перспективных целях движения; вторая связана с преодолением раскола политических сил, завершающегося победой одной из сторон [15, стр. 65]. В итоге, принятие Конституции РФ стало упреждающей мерой по утверждению основ предлагаемого развития страны.

В изначальной позиции на первое место вышли процедурные факторы демократического транзита. При этом следовало учитывать те особенности российской ментальности, которые накладывали свой отпечаток на построение такой политической системы, которая соответствовала прежнему образу организации политической иерархии. Подспудно это стало очевидно еще в 1991 – 1993 гг., когда рост парламентаризма столкнулся с неготовностью исполнительной власти идти на уменьшение собственной роли. Победа Б.Н. Ельцина, как пишет И. Клямкин, «фактически... документировала завершение советско-коммунистического периода российской истории и вхождение страны в новую – демократическую – эпоху. Однако в ее разделах, касающихся организаций власти, мы снова обнаруживаем отмеченную выше закономерность:

будучи следствием и документирующим завершением конфликта институтов, претендующих на властную монополию, она преодолевала его не в логике компромисса (отказа от самой идеи монополии), а более последовательным утверждением российского политико-культурного принципа неделимости высшей государственной власти» [2, стр. 183].

Сказанное не исключает того, что имело место разделение полномочий между исполнительной и законодательной властью, начавшееся в процессе автономии системы местного самоуправления и, что важно, целой цепи инсталляции электоральных практик. Последнее целиком вкладывается в модель «соревновательного элитизма» Йозефа Шумпетера, что, впрочем, не исключает и модель «плурализма» Роберта Даля, основанную на двух измерениях демократии – соревновательности акторов и массовом участии.

Необходимо помнить, что конфликт интересов в условиях социально-экономической неопределенности и неоднозначности политического выбора существенным образом повлиял на утверждение необходимой правовой конфигурации. Так, КПР в лице своих сторонников строгой организации и утверждаемого курса на левые идеи имела реальные шансы на победу. В этих условиях акцент делался в 1993 г. на решение тактических задач. Но здесь же скрывалась проблема, связанная с формированием долгосрочного выбора и формированием электоральной идентичности. В результате был получен очень низкий политический эффект, и стало складываться впечатление о том, что избирательная система не справляется с выполнением поставленных перед нею задач по содействию создания и развития политической системы.

Еще в 1990 г. Дж. Сорос писал: «Когда реформаторы радикализируются, они должны пересмотреть и изменить свое отношение к центру власти. Когда они были только реформаторами, любой шаг, который вел к ослаблению центра и делегировал власть, был, наверное, шагом в правильном направлении. Но радикальная трансформация требует нормальной, работающей исполнительной власти. Недостаточно уничтожить старый центр власти закрытого общества – необходимо учредить новую власть, достаточно сильную, чтобы построить открытое общество. Это главная трудность в деле преобразования

системы в коммунистических странах, и эта сложность еще не разрешена» [26, стр. 132-133].

Подтверждение сказанному мы находим и при концептуальном анализе симпатий избирателя. Следует предположить, что в идеале речь идет об апелляции к «рациональному избирателю», который взвешивает затраты и выгоды программ различных партий и затем по принципу максимальной пользы выбирает партию. Если происходит изменение в соотношении затрат и пользы, следует ожидать изменений в электоральном поведении. Возможно, использование и модели «мыслящего избирателя», который в отличие от «рационального избирателя» не формирует свои партийные предпочтения исключительно на основании совпадения своих взглядов с позицией партии и не отдает свой голос в расчете на будущее личное благополучие. «Мыслящий избиратель», находясь в ситуации принятия решения, обходится доступной политической информацией, не затрачивая усилий на ее проверку. Это рациональность, стремящаяся к минимизации затрат. Выделяют информированных и менее информированных избирателей. Информированные зачастую неоднородны и могут интересоваться разными проблемами. Неинформированные избиратели не обладают знаниями о политике разных партий по решению спорных вопросов. Исследователи отмечают, что подобное разделение не применимо к многопартийным системам. Известно, что избиратели стремятся использовать упрощенные формы получения информации.

Отметим, что здесь возможны и другие варианты, привлекая которые, можно получить более полное представление о типологии, построенной на оценке индивидуального выбора. В частности, американский исследователь М. Фиорина говорит о «ретроспективном избирателе» или ретроспективном голосовании. Избиратели оценивают уже совершенные действия правительства, и, таким образом, пересматривая прошлый опыт, они обновляют оценки партий и политиков [3]. По мере приближения к выборам различают «избирателей-вкладчиков» и «избирателей-потребителей». Первые рассчитывают пользу, которую могут получить в зависимости от тех или иных результатов голосования. Вторые же «нуждаются в мотивах, которые оправдывают реализованные ими на выборах предпочтения». С. Попкин пишет о

«коллективных вкладчиках», которые голосуют во имя общественного блага, и о «частных инвесторах» [4]. Следует оговориться, что отдельные модели выдвигаются в качестве идеальных, которые в реальности встречаются в смешанном виде и создаются для структурирования информации.

В условиях несовершенной политической системы полагаться на подобного избирателя оказывается делом проблематичным. Тем более что и сам парламент далеко не всегда удовлетворял критерию «коллективной разумности». Раскальваясь на противостоящие группировки и враждующие группы, не способный прийти к разумному соглашению такой парламент способствовал лишь параличу, демонстрируя «неразумность» и неизбежно приводя к росту авторитарных настроений в обществе. Согласно мнениям Н.И. Бирюкова и В.М. Сергеева, «условия, при которых происходят подобные срывы, а также способов их предупреждения, иными словами, условий устойчивости представительных органов власти – центральная проблема изучения представительной демократии». Исследователи ссылаются на работы К. Эрроу, где выявляются условия, при которых процедура принятия решений большинством голосов становится неэффективной: «Так, Эрроу сформулировал парадокс, состоящий в том, что при наличии более чем двух альтернатив единственным условием, гарантирующим эффективное принятие решений в любых обстоятельствах, является наличие «диктатора», способного предписывать голосующим, как им следует голосовать» [6, стр. 12].

Избирательные процессы формируют особые условия для электоральной коммуникации, где возможны не только процессы сближения, но и энтропия, направленная на отрицание позитивной связи, нетерпимость к мнению другого, вплоть до его физического уничтожения. Появляется «расколотое общество», вышедшее из-под господства традиционализма, но еще не нашедшее своего пути к превращению в общество либеральных ценностей [5, стр. 67]. В духе С. Хантингтона в сознание избирателя проникает представление о демократии как о процессе смены правительств [29]. При этом успешное решение социально-экономических проблем отходит на второй план. Но именно этот аспект оказывается ключевым, когда требуемое признание новых

ценностей наталкивается на противодействие со стороны общества. Институт выборов оказывается неким набором процедур, не несущим в себе представлений о подлинном народовластии.

В свое время один из создателей политико-правовой теории институционализма французский правовед М. Ориу полагал, что институт – это определенная идея, осуществляемая в конкретной среде. Любой политический институт состоит из структуры (организации) и коллективных представлений, которые обслуживают эту структуру [18]. Тем самым на первое место выдвигается положение о социальном регулировании в целом, и от эффективности этого регулирования напрямую зависит правовой порядок. При анализе же текущих событий приходится учитывать и тот аспект проблемы, который связан с тем, «что установившееся и существующее с давних времен право не перестает быть выражением воли нации» [18, стр. 617].

Институционализация общественных отношений являлась залогом для изначальной стабильности. Вместе с тем институционализация, в том числе и в аспекте выборов, не должна превращаться в «смену политических правил игры». На первое место выдвигается плюрализм мнений и действий общества, как совокупного числа его институтов (М. Ориу).

Характерно, но, следует считать, что дискуссии о разделении властей в период принятия Конституции в 1993 г. были совершенно не случайны. Отталкиваясь от идей Монтескье и идеально понятой модели сдержек и противовесов США, участники спора пытались выявить условия разделения властей и возможности существования данной системы в России. По высказыванию М.Е Салье: «Работающий механизм разделения властей?! Что нужно для этого сделать? Я всегда считала и продолжаю считать, что в соответствии с Монтескье, и, главное, в соответствии с американскими федералистами, основной принцип народовластия заключается в том, что источником полномочий каждой системы власти является народ. Если этого нет, то происходит то, что происходит у нас» [32, стр. 80].

Показательно, что уже в ходе споров в 1993 г. указывалось на то, что уникальная система США в случае с Мексикой привела к совершенно другим результатам – господству с 1929 г. Конституционно-революционной партии.

Принципы полиархии требовали от России в новейших условиях существенного рассредоточения экономических и политических ресурсов. Согласно концепции Р. Даля, роль выборов играет важнейшую роль в оценке политического режима, так как позволяет:

- с помощью выборов осуществлять контроль над правительственные решениями;
- предоставляют гражданам свободно, без страха и без принуждения высказывать свое мнение по широкому кругу политических проблем, включая сюда критику органов власти, правительства, режима, социально-экономического строя и господствующей идеологии;
- реализуют право граждан добиваться альтернативных источников информации, и, более того, эти альтернативные источники реально существуют и охраняются законами;
- обеспечивают существование и автономию независимых ассоциаций и организаций, включая политические партии и группы по интересам.

Разумеется, должны учитываться и гарантированность конституцией регулярных выборов и всеобщее избирательное право. Как считает А.С. Мадатов, рассмотрение полиархии в качестве процедурно-процессуальной демократии несет в себе ряд ограничений, связанных с пониманием того, что «в теории демократии никогда не будет достигнут окончательный консенсус по поводу высших ценностей и целей демократического развития, будь это свобода, социально-экономическое равенство, экономическая справедливость и т. д.» [13, стр. 57].

1993 год явился переломным в Российской истории и применительно к концепции Д. Растроу стал переходом от подготовительной фазы к фазе принятия решений. В этот период происходит утверждение политico-правовых норм общества с их ориентацией в сторону полиархической демократии [22, стр. 5-6]. Характерно, что базовым условием для применения данной классификации является признание национального единства, которое «означает лишь то, что значительно большинство граждан потенциальной демократии не должно иметь сомнений или делать мысленных оговорок относительно того, к какому сообществу они принадлежат. Требование национального единства отсекает ситуации, когда

в обществе наличествует латентный раскол, подобный тому, который существовал в габсбургской или оттоманской империях и присутствует сегодня в ряде африканских стран» [22, стр. 7].

Характерно, что в рассматриваемый нами период в российском обществе велись дискуссии о необходимости проведения Учредительного собрания [32, стр. 119-121]. Идея увязывалась с представлениями об особом порядке принятия Конституции, а референдум предполагалось проводить по вопросу необходимости созыва Учредительного собрания. Тем самым предлагалось вернуться в некую исходную историческую точку – в 1917 г., чтобы восстановить справедливость и легитимность власти. Несомненно, что в основе этой идеи лежали представления об «общественном договоре». Вместе с этим был исторический пример принятия декларации о независимости Америки в 1776 г. Вторым континентальным Конгрессом, а вслед за этим и Конституции нового американского государства Конституционным конвентом США. В 1789 г. созданные королем Франции Генеральные штаты провозгласили себя Учредительным собранием, тем самым положив начало республиканской форме правления. В последующем во Франции в 1791, 1793, 1795, 1848, 1875 и в 1946 гг., в Норвегии в 1814 г., в Испании в 1820 г., в Португалии в 1822 г., в Бельгии в 1831 г., в Болгарии в 1879 г. и целом ряде стран конституции принимались учредительными собраниями.

Утверждение за народом непосредственного права на изменение собственной конституции легло в основание будущих представлений о гарантиях политических свобод и учредительном праве народа. Еще в 1632 г. пастор Томас Гукер, глава созданной колонии Коннектикут, говоря об основных принципах заключенного колонистами «установительного соглашения», сформулировал идею учредительной власти следующим образом: «Избрание должностных лиц принадлежит народу в силу уполномочия от самого Бога. Те, кто имеет право избирать должностных лиц, имеют право определять границы власти и деятельности, к которым они их призывают <...> и прежде всего потому, что начало власти – в свободном соглашении народа» [7, стр. 14].

В заключение по данной проблеме отметим, что в принятой в 1993 г. Конституции РФ лишь в

Статье 135 мы видим определенное влияние идей Учредительного собрания, где законодатель относит пересмотр положений глав 1, 2 и 9 Конституции России к компетенции специально созываемого для этого Конституционного Собрания. Наряду с этим открытым оставался вопрос о возможности социального контракта и последовательности в реализации первоначального институционального выбора.

На втором этапе реформирования российской избирательной системы (1993 – 1995 гг.) актуализируются юридические подходы, направленные на закрепление нового правового содержания. Одновременно осуществлялся поиск последовательной модели постепенного, хорошо защищенного, частично-переходного подхода к развитию институтов демократизации и рыночной экономики [11, стр. 2-9]. Основной упор был сделан на оценку законодательных реформ, направленных на регуляцию деятельности партий и изменения механизма выборов депутатов Государственной Думы. Отмечен перенос силы тяжести с американской модели на европейские модели конституционализма, как обеспечивающие необходимый образ государственного управления с сильной президентской властью. В итоге заимствования были произведены путем выбора наиболее удобных правовых актов, вне их зависимости от всего корпуса законов. Это вело к тому, что «процесс культурной фильтрации с неизбежностью замедлял перемещение и являлся причиной мутаций западных концепций, ибо политические элиты модифицировали первоначальные понятия, адаптировали их для внедрения у себя на родине» [30, стр. 16].

Таким образом, можно утверждать, что после 1993 г. происходит институциональный скачок в формировании новых основ правового государства. Обновился прежний тип легитимизации политических институтов, что потребовало соответствующего развития в символической сфере основ легитимности социального и политического порядка и разрыва с предыдущим периодом политico-правовой истории.

Наряду с этим обострилось понимание того, что процессы, происходящие в России, имеют собственное прочтение. В ходе коллоквиума «Современная социальная концепция: либеральное видение», который состоялся в 1994 г., был поставлен ряд дилемм. Первая из них касалась выяснения вопроса «реанимации» предрево-

люционного либерализма эмигрантов, отстаивавших идеи классического либерализма на почве русской интеллектуальной традиции, в духе ценностей духовных начал нации, государства, права и свободы индивида. Вторая дилемма увязывалась с освоением так называемой «гуманитарной идеологической помощью» Запада и внедрением либерализма в России сугубо через рынок. Третья дилемма относилась к пониманию синтеза либерализма и демократии на российской почве и связана с выяснением того, насколько можно говорить об изобретении чего-то нового, подходящего современным российским условиям [8, стр. 125-130].

Появились рассуждения о невозможности внедрения в России из-за целого ряда причин идей и ценностей западного либерализма. В частности, Г. Розмозер указывал на то, что «если в России у либерализма вообще есть будущее, то ему придется ужиться с просвещенным консерватизмом» [23, стр. 22].

Альтернативные рассуждения были связаны с возможным союзом либерально ориентированной интеллигенции и реформаторов с конкурентной и неноменклатурной буржуазией: «Либеральные реформаторы не могут реализовать свой политический потенциал в условиях номенклатуры, когда назначения делаются, решения принимаются, политическая борьба ведется «под ковром», на основе не закона и демократического волеизъявления народа, а личных связей, закрытых договоренностей, кулуарных традиций, лоббирования и взятки» [28, стр. 24].

Следует учесть, что споры о либеральных ценностях происходили на фоне противоречий между целями рыночной экономики, усиливающейся социальной дифференциации и невозможностью обеспечивать государственные социальные обязательства в прежних объемах. В общественном сознании сохранялись прежние представления о государственном распределении как форме поддержания справедливости [9, стр. 6-8]. Понимание сложности этого явления, полагаем, в полной мере можно обнаружить у представителя либерализма Фридриха Хайека, считающего, «что мы на самом деле имеем в случае с «социальной справедливостью», – это просто квазирелигиозный предрассудок такого рода, который можно уважительно оставить в покое, если только он составляет счастье тем, кто его придерживается, но с которым надлежит

бороться, если он становится обоснованием принуждения по отношению к другим. Растущая вера в социальную справедливость является в настоящее время наибольшей угрозой для большинства других ценностей свободной цивилизации» [1, стр. 123].

Период 1994 и 1995 года был заполнен дискуссиями, связанными с проведением вторых парламентских выборов. Как указывает В.Я. Гельман, в это время политологические споры относились главным образом к проблемам, связанным с выбором избирательных систем. Дебаты касались нескольких проблем. В одном случае продолжилась принципиальная дискуссия между сторонниками пропорциональной и мажоритарной электоральных формул. В другом случае в условиях новых демократий подвергся переосмыслинию известный тезис Дж. Сартори о том, что «избирательная система является самым специфическим инструментом политических манипуляций». Наконец, проблема формирования избирательной системы как социального выбора также оставалась на повестке дня дальнейших исследований [19, стр. 45-46].

Имеют значение рассуждения исследователя о российской специфике: «Во-первых, выбор избирательной системы не был связан с выбором других элементов институционального дизайна, в особенности с моделью разделения властей. Во-вторых, выбор избирательной системы проходил в два этапа: этап первоначального выбора (1993) и этап закрепления и институционализации избирательной системы (1994 – 1995). В-третьих, несмотря на то, что первоначальный выбор избирательной системы был фактически навязан сторонниками Ельцина после государственного переворота 1993 г., закрепление избирательной системы стало результатом консенсуса политических авторов» [19, стр. 46].

Характерно, что приблизительно в этот же период времени появляются рассуждения о том, что всеобщее избирательное право теряет свое значение и его заменяет общественное мнение. Об этом в самом начале 90-х годов писал, в частности, крупный французский политик и политолог М. Рокар, делая акцент на роли СМИ: «В какой-то мере общественное мнение заменит классовую борьбу в роли движущей силы истории, ускоряя или тормозя деятельность общества» [24, стр. 133]. На уровне общественного сознания подобные рассуждения приобрели очертания тезиса о СМИ

как «четвертой власти».

На государственном уровне в это же время были задействованы механизмы поиска идеологических основ, связанных с пониманием целостности Российского государства, что нашло свое выражение в Послании президента Федеральному собранию с характерным названием «Об укреплении Российского государства» [20]. На уровне политической риторики была введена в употребление теория «новой российской нации». Вместе с этим высшее руководство страны не исключало сохранение приверженности принципам демократии и соответствующих процедур. В условиях кризиса такая последовательность имела позитивный результат, способствуя осознанию обществом важности естественных и неотчуждаемых прав человека, присущих ему от рождения. Хотя, как указывал Н.И. Матузов, в данный период времени реализация этих прав носила ограниченный характер. Высшие идеалы не совпадали с суровой реальностью, и еще только предстояло наполнить реальным содержанием демократические преобразования в соответствии с Декларацией прав и свобод и Конституцией Российской Федерации [14, стр. 28-29].

В этой связи интерес представляет концепция «вертикальной демократии» американского политолога Джованни Сартори, считающего, что политические контролирующие группы осуществляют власть по отношению к большей части социума в соответствии со своим положением. Согласно альтиметрическому критерию на вершинеластной пирамиды оказываются достойнейшие люди, имеющие заслуги перед обществом. Механизм «отбора, подбора» таких людей вписывается в систему «селективной полиархии» и соответствует демократическим процедурам выбора [25, стр. 80-89].

Можно предположить, что последующая эволюция политического режима в России в определенном смысле совпала с данной концепцией. Приходится учитывать, что данная модель отражает устойчивые типы политической организации, тогда как в переходные периоды формальный признак отбора руководителей сохраняет традиционные формы господства, характерные, скажем, для модели «пастырского государства» или авторитарных систем. В таких условиях, согласно Д. Колла, «государство

испытывает постоянное воздействие напряженности между суверенитетом и управляемостью, которые стали скорее двумя полюсами его деятельности, нежели двумя фазами его истории: это нашло выражение в создании ударной силы и установлении минимального дохода выживания. Сочетание микрофизики властей, посредством которых управляет жизнь в ее мельчайших проявлениях, и тотализации, благодаря которой организуется мощь государства в соперничестве с другими государствами и которая находит свою кульминацию в войне (для России это первая чеченская война – А.Ш), порождает постоянный вопрос о легитимности государства» [12, стр. 299].

На третьем этапе реформирования российской избирательной системы (1996 – 1999 гг.) – актуализация роли встречных процессов, происходящих в структуре политических институтов и общества. Отмечается активная поддержка со стороны Запада структур и групп, способствующих развитию гражданского общества. Сложности прямого транзита развитой формы западной демократии привели к появлению различных теорий, от «делегативной демократии» Г. О'Доннелла, «новых демократий» Ф.С. Веффорт до «фасадной демократии» и «дефектной демократии» В. Меркеля и А. Круассана. Обсуждению подверглась тема возвратных процессов, связанных с утверждением авторитаризма и его рецидивов. Открытым оставался вопрос о социализации граждан в новых условиях. Влияние этих дискуссий отразилось на необходимости по-новому рассматривать юридический подход к изучению избирательной системы в контексте трех основных его аспектов – как объекта управления со стороны общества, как самоуправляемой системы и как формирующего, регулирующего механизма властных отношений, что требовало изначальной корректировки.

Несомненно, что в текущей постановке проблемы присутствовала качественная оценка, тогда как речь должна была идти о процессе. Согласно А. Мельвиллю, «история становления и развития демократических норм и практик говорит о том, что демократия – это процесс, процесс развития, расширения и обновления идей и принципов, институтов и процедур» [16, стр. 17]. Споры вокруг «третьей волны» демократизации актуализировали разработки, направленные на

видение ценностной основы этого процесса (У. Мишлер, Р. Роуз).

Важным для понимания процесса демократизации в оценке потенциальных возможностей того или иного общества являются представления о формах заимствования, которые не могут быть адекватными. Так, согласно У. Ганнерсу, рассматривающему ряд моделей взаимодействия между культурами (донор и реципиент), наиболее распространенным оказывается сценарий «периферийной коррупции». При таком сценарии в процессе отфильтровывания высших достижений и ценностей культуры-донора, фиксируется уровень межкультурного взаимодействия по «нижней планке», задаваемой культурой-реципиентом [31, стр. 157].

Не менее важно замечание, сделанное М.Ю. Мизулиным: «Как ни рассуждай, а следует признать, что базовая идея права как юридического условия и процедуры достижения справедливости, свободы и порядка не в полной мере вписывается в происходящие изменения. Ситуация баланса порядка, свободы и справедливости – это ситуация скорее политическая, и там, в сфере политики, надо искать ее присутствие и промысливать новые условия взаимности и расхождения этих важнейших социокультурных феноменов» [17, стр. 127].

Несомненно и то, что любые благонамеренные действия не должны возлагать на общество непропорциональное бремя. Общественное признание в этот период времени носит стихийный характер, а конкуренция в сфере политики воспринимается как негативное своеование. Аналог мы обнаруживаем в сфере экономики и оценке результатов приватизации, когда в общественном сознании возник порочный круг недостаточной легитимности прав собственников и связанных с ним пороков корпоративного управления в лице государства [33, стр. 126]. Ситуация стала угрожающей, когда олигархи непосредственно стали оказывать влияние на принятие политических решений, создавая в сознании избирателей ощущение «приватизации политики».

На этом фоне особое значение приобретали рассуждения о «демократии участия», которая согласно идеи Р. Даля соответствовала демократическому процессу:

- активное (эффективное) участие: все члены сообщества имеют равные и действенные возможности для изложения своих взглядов

в процессе выработки решений, касающихся общественных дел;

- равное голосование: все члены сообщества имеют равные и действенные возможности голосовать при принятии решений;
- понимание, основанное на информированности: каждый член сообщества получает информацию для понимания сути вопросов, по которым принимается решение;
- контроль за повесткой дня: члены сообщества влияют на принятие решений относительно того, какие вопросы и в каком порядке будут обсуждаться и голосоваться. Тем самым исключается контроль какого-либо исполнительного органа за кругом вопросов, подлежащих обсуждению, а политика сообщества всегда остается открытой для перемен;
- включение взрослых: все совершеннолетние и дееспособные граждане имеют возможность участвовать в управлении общественными делами; чтобы защищать собственные интересы, группа граждан не может без ущерба для себя передать другой группе власть над собой. Опыт показывает, что свои интересы можно понимать неадекватно, что другие могут поступить за вас разумнее. Но, передавая власть другим, вы лишаетесь возможности действовать, когда вы придетете к адекватному пониманию собственного блага [10, стр. 77].

Как указывает Чарльз Тили, критерии Р. Даля отличаются от конституциональных, существенных и процедурных стандартов демократии: «По Даю, большинство стандартных демократических институтов – выборные должностные лица; свободные, честные и регулярные выборы; свободное выражение своего мнения, свобода слова; наличие альтернативных источников информации; самостоятельность добровольных (или общественных) союзов; демократия широкого охвата – могут быть проанализированы и сопоставлены» [27, стр. 25-26]. Как считает исследователь, проблемой оказывается то, что здесь описывается лишь минимальный набор демократических институтов, которые не затрагивают временные изменения и, соответственно, не связаны с выяснением степени изменений в процессе демократизации. Второй момент связан с тем, что каждый из критериев

действует лишь в ограниченных пределах, а выходя за эти пределы, они вступают в конфликт друг с другом, как это происходит со свободой слова и самостоятельностью объединений [27, стр. 26].

Понятно, что «демократия участия» возможна только в развитом гражданском обществе, но последнее, как подчеркивает Е. Ясин, проявляется в той мере, в какой реализуется демократия участия [34, стр. 41]. Запустить этот механизм можно только лишь на формальном уровне, привлекая общественность к разрешению избирательных споров. Происходит перенос силы тяжести в юридическую плоскость. Как считают Ю.А. Веденеев и В.В. Смирнов, движущим мотивом подобной реакции может быть осознание того простого факта, что именно через демократические выборы формируются ответственные перед гражданами органы государственной власти и управления, и именно через участие в избирательном процессе осуществляется воздействие на государственную политику. Именно законные выборы являются наиболее эффективной и юридически безусловной формой реализации и защиты собственных экономических и социальных интересов [21, стр.

122].

Оборотной стороной формально организованного процесса оказываются издержки, связанные с имитацией политico-правовых форм, моделей, правил и процедур участия избирателей и их объединений в выборах. Иными словами, на деле приходится сталкиваться с имитацией внешних признаков структурной трансформации, которая призвана сохранить и консервировать режим неполитической, не сменяемой по итогам выборов власти. Открывается широкая возможность складывания крайне нежелательной модификации взаимоотношений между обществом и государством – режима анонимной демократии [21, стр. 19].

Для российского переходного периода такая ситуация привела к «кризису участия», росту политического отчуждения со стороны одной части избирателей и протестному голосованию со стороны негативно настроенных избирателей. Неопределенность в понимании политических и правовых ценностей, накладываясь на абсолютизацию роли институтов власти, снижала влияние на власть со стороны широких слоев населения.

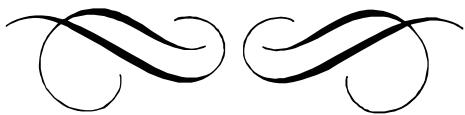
Список литературы

1. Hayek F. Social or Distributive Justice // Justice. Ed. by A. Ryan. – Oxford: Oxford University Press, 1993.
2. Kliamkin I.M. Post-Soviet political System in Russia: Origins, Development and Perspective of Transformation // Acta Slavica Iaponica. – 2000. 17 issue.
3. Morris P. Fiorina. Parties, Participation, and Representation in America: Old Theories Face New Realities. Originally prepared for Delivery at the 2000 Annual Meeting of the American Political Science Association, Marriott Wardman Park. – Washington, DC, August 31-September 3.
4. Popkin S. The rational peasant: the political economy of rural society in Vietnam. – Berkeley, 1979.
5. Ахиезер А.С. Россия – расколотое общество // Рубежи. – 1995. – № 5.
6. Бирюков Н.И., Сергеев В.М. Становление институтов представительной власти в современной России. – М.: Агентство «Издательский сервис», 2004.
7. Боржо Ш. Учреждение и пересмотр конституций в Европе и Америке. Пер. с франц. – СПб.: Просвещение, 1905. Вып. 1.
8. Возможности либерализма в осмыслении современного мира (Обзор коллоквиума) // Полис. – 1994. – № 3.
9. Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Демократия и гражданство // Вопросы философии. – 1996. – № 7.
10. Даль Р. О демократии. – М.: Аспект-пресс, 2000.
11. Каротерс Т. Помощь Запада становлению гражданского общества в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. – 2000. – № 1 (30).
12. Коля Доминик. Политическая социология. Пер. с франц.; Предисл. А.Б. Гофмана. – М.: Издательство «Весь Мир», «ИНФРА-М», 2001.
13. Мадатов А.С. Концепции и модели демократии: проблемы и дилеммы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия политологии. –1999. – № 1.
14. Матузов Н.И. Личность, политика, право // Теория политики (Общие вопросы). – Саратов: Изд-во Сарат. юрид. ин-та, 1994.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

---

15. Медушевский А.Н. Российская конституция в мировом политическом процессе: к десятилетию Конституции РФ 1993 г. // Мир России. – 2003. – № 3.
16. Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты (теоретико-методологические и прикладные аспекты). – М.: «МОНФ», 1999.
17. Мизулин М.Ю. Плюрализм как онтологическое начало политики // Политический плюрализм в современной России. – М.: Издательский дом «Человек и карьера», 2001.
18. Ориу М. Основы публичного права. Пер. с франц. – М.: Издательство Коммунистической академии, 1929. Репринтная копия.
19. Первый электоральный цикл в России (1993–1996) / Общ. ред.: В.Я. Гельман, Г.В. Голосов, Е.Ю. Мелешкина. – М.: Издательство «Весь Мир», 2000.
20. Послание Президента РФ Федеральному Собранию «Об укреплении Российского государства (основные направления внутренней и внешней политики)» // Российская газета. – 1994. 25 февраля.
21. Представительная демократия и электорально-правовая культура / Под общей ред. Ю.А. Веденеева и В.В. Смирнова. – М.: Весь Мир, 1997.
22. Растроу Д.А. Переходы к демократии. Попытки динамической модели // Полис. – 1996. – № 5.
23. Розмозер Г. К вопросу о будущем России // Вопросы философии. – 1993. – № 4.
24. Рокар М. Трудиться с душой. – М.: Международные отношения, 1990.
25. Сартори Дж. Вертикальная демократия // Политические исследования. – 1993. – № 2.
26. Сорос Д. Советская система: к открытому обществу. Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1991.
27. Тилли Ч. Демократия. – М.: АНО «Институт общественного проектирования», 2007.
28. Улюкаев А.В. Либерализм и политика переходного периода в современной России // Мир России. – 1995. – Т. 4. – № 2.
29. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. Пер. с англ. Л.Ю. Пантиной. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003.
30. Шарлеть Р. Правовые трансплантации и политические мутации: рецепция конституционного права в России и в новых независимых государствах // Конституционное Право: Восточноевропейское Обозрение. – 1999. – № 2 (27).
31. Штомпка П. Социология социальных изменений. Пер. с англ. А.С. Дмитриева. – М.: Аспект Пресс, 1996.
32. Эффективность действий политических партий в избирательной кампании (материалы семинара 17-19 апреля 1993 г.). – СПб.: Художественная литература, 1994.
33. Явлинский Г.А. Периферийный капитализм. Лекции об экономической системе России на рубеже XX-XXI веков. – М.: ЭПИцентр, Интеграл-Информ, 2003.
34. Ясин Е. Приживется ли демократия в России. – М.: Новое издательство, 2005.

СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА

МОЛЧАНОВА Маргарита Викторовна,
доцент кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук
E-mail: silence@ya.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

КРИМИНОЛОГИЯ, ДЕВИАНТОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА

Аннотация. В статье рассматриваются и анализируются доминирующие особенности таких наук, как криминология, девиантология и социология права. Автор, выявляя характерные особенности указанных наук, акцентирует внимание на имеющихся научных проблемах в сфере правопонимания и предлагает свои пути решения.

Ключевые слова: криминология; девиантология; социология права; тип правопонимания; взаимосвязь типов правопонимания.

MOLCHANOVА M.V.

CRIMINOLOGY, DEVIANTOLOGY AND SOCIOLOGY OF LAW

The summary. The article deals with and analyzes the dominant features of such sciences as criminology, deviantology and sociology of law. Revealing the characteristic features of these sciences the author focuses on current scientific problems in the area of law awareness and proposes her own ways of solution.

Key words: criminology; deviantology; sociology of law; law awareness type; relationship of law awareness types.

Правовые аспекты социальной жизни, попадая в ракурс научных исследований, обеспечивают взаимосвязь общественных и юридических наук, в частности криминологии, девиантологии и социологии права, но подходы весьма различны, а следовательно, и полученные знания.

В изучении человеческого поведения в обществе, в схеме толкования человеческих поступков существует как минимум три среза проблемы: 1) соотношение права и правонарушения, которое включает в себя также представления по более широкому кругу вопросов о соотношении социальных норм и отклонений от них; 2) условия эффективности или неэффективности права, иными словами, в какой мере поведение человека соответствует

определенным типам социального поведения, т. е. закона. Это обусловлено местом и ролью права в обществе, а также спецификой правопонимания; 3) социальный порядок, обеспечиваемый стратегией и тактикой социального контроля со стороны общества и государства.

Изучение института права в системе «социальная норма – девиантность – социальный контроль» выявляет различные объекты и методы исследований этих наук.

Право – это культурная сила [11, стр. 107]. Оно выше человеческих установлений, выше государства и закона. Право связано с достоинством человека. Может быть, в конечном счете, оно сводится к неприкосновенному минимуму человеческого достоинства [10, стр. 6].

Право вводит правовые нормы, ограничивая тем самым поведение и волю индивида.

Криминология – наука о закономерностях преступности и реагирования на нее со стороны государства и общества [14, стр. 18].

Объектом изучения криминологии является фактическое поведение человека в его связи с преступлением и наказанием.

Методологические моменты, определяющие специфику криминологии как науки:

- формирование представления о наиболее значимых обстоятельствах общественной жизни, которые влияют на воспроизведение преступлений;
- выработка реальных средств, которыми располагает общество для организации противоборства преступности, для осуществления контроля над ней, в том числе криминологического законодательства – как внутреннего, так и международного.

Преступность – центральное понятие криминологии, но вместе с тем наименее определенное.

Многие отечественные криминологи характеризуют преступность как всю совокупность конкретных преступлений, совершенных в определенный период времени в данном обществе или регионе. Тем самым, в этом определении фиксируется основное внимание на нормативной стороне преступности. Нормативность ее состоит в том, что преступность, будучи объективной реальностью, имеет свои границы, поскольку понятия «преступления» и «конкретные виды преступлений» закреплены в их составах и описаны в уголовном законе. Вместе с тем, подобный подход к характеристике преступности не вскрывает в достаточной степени сущности этого общественного явления и лишь является описанием его эмпирических проявлений [8, стр. 43]. Здесь криминология выступает социологией преступности.

Имеются и другие определения понятия преступности. Преступность – социальное явление, нарушающее господствующие общественные отношения и выражющееся в социально-обусловленном отклонении поведения отдельных членов общества от норм, установленных уголовным законом [8, стр. 45]. В этом случае не будут считаться преступлениями деяния, даже грубо нарушающие право, но не включенные в

уголовный закон, что неправильно, на наш взгляд.

Вопреки «конвенциальному» подходу более интересным представляется мнение профессора Д.А. Шестакова, который полагает, что преступление существует как таковое – независимо от «договоренности о запрете», достигнутой властью предержащими, от закрепления запрета в законе (Криминологическое понятие преступности). С этой точки зрения, «под преступностью следует понимать свойство человека, социального института, общества отдельной страны, глобального общества воспроизводить множество опасных для окружающих людей деяний, проявляющееся во взаимосвязи преступлений и их причин, поддающееся количественной интерпретации и предопределяющее введение уголовно-правовых запретов» [13, стр. 108], а «криминология по существу является учением о зле в крайних формах его проявления и о противодействии ему» (переход криминологии как науки в идеале от социологии преступного поведения к философии преступности).

Исходя из этой концепции в дилемме «социальная норма и отклонение от нее», юридическая сторона преступности проявляется в том, что закон в каком-то смысле является источником преступлений, в одном случае мнимом, фиктивном (например, в рабовладельческие времена люди осуждались за укрытие беглых рабов, в средние века – за занятие колдовством или проповедование еретических вероучений, при построении социализма в СССР – за то, что они являлись членами семьи «врагов народа», в так называемом развитом социалистическом обществе – за ведение «паразитического образа жизни», т. е. за то, что они не числились на какой-либо работе), в другом – подлинном (круг преступлений подлинных – посягающих на жизнь, здоровье, собственность и т. д., опасность которых ни у кого не вызывает сомнений). Фикция порождения законом преступлений состоит в том, что от воли законодателя зависит, какие поступки запретить, признать их девиантными, установив за них наказание, а какие нет.

Закон в лучшем случае лишь ориентируется на право, иногда, но отнюдь не всегда, стремится к нему приблизиться. Тогда появляется парадоксальное понятие «преступный закон». Преступный закон выступает предметом изучения новой зарождающейся отрасли криминологии –

криминологии — закона, изучающей взаимообусловленность преступности и законодательства [14, стр. 134-139, 403].

В вопросе *эффективности права и соответствия поведения человека определенным типам социального поведения* криминологии, как научной дисциплине, присуща объясняющая функция. Криминология, являясь наукой об аномальном поведении человека в обществе и невозможности адаптации воли индивида к социальным образцам, обнаруживает экономические, политические, исторические, психологические, этнические и другие явления, способствующие воспроизведству в обществе преступного поведения.

Под причинами массового совершения преступлений обычно понимают социальные явления, которые ее порождают.

Криминология стремится определить сравнительную криминальную пораженность различных слоев общества, выяснить, в каких общественных группах большее число преступников, какие преступления характерны для каждого общественного слоя, политической партии и т. п. Кроме того, изучаются мотивы преступлений, мотивировка, т. е. объяснение побуждений к совершению преступления, даваемое самими преступниками. Однако пока еще криминология в малой степени учитывает «философию преступления», или систему мировоззренческих взглядов, оправдывающих нарушение уголовного запрета [14, стр. 26-27].

Конструируя различные формы девиантности, общество, государство, политический режим определяют также формы и методы воздействия на «девиантов», политику в отношении них, стратегию и тактику социального контроля над девиантностью (девиантным поведением и его носителями) [45, стр. 172].

Под *социальным контролем*, по мнению Я.И. Гилинского, следует понимать механизм самоорганизации (саморегуляции) и самосохранения общества путем установления и поддержания в нем нормативного порядка, устранения или нейтрализации, или минимизации нормонарушающего (девиантного) поведения [2, стр. 4].

Задача криминологической науки — вырабатывать концептуальные подходы к осуществлению этой политики, разрабатывать научные основы для программ сдерживания

преступности с учетом территориальных и местных особенностей, искать пути усовершенствования механизма контроля над преступностью, давать оценку уже осуществляемым мерам, а также обосновывать введение новых, теоретически определять оптимальное соотношение между карательным воздействием на преступников и некарательным предупреждением преступлений.

Придерживаясь точки зрения, что преступность не статистическая совокупность противоправных деяний, совершаемых в условиях конкретного места и времени, а сложное социальное явление, связанное практически со всеми сторонами жизни общества и детерминированное противоречиями общественного развития, согласимся с мнением российского криминалиста А.Н. Трайнина, который утверждал, что «лучшей уголовной политикой была и остается политика социальная» [12, стр. 172].

Главным средством противодействия преступности, бесспорно, остается общесоциальная профилактика. Примером может служить цитата статьи Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» (декабрь 1842 г.). Анализируя всеобщую нищету среди рабочих и рост безработицы, Ф. Энгельс отмечал, что многочисленный рабочий класс неимущих и нищих вынужден сам искать какой-то выход, поскольку государство отказывается от помощи людям, отталкивает их. «Кто осудит их, — спрашивал Ф. Энгельс, — если мужчины пустятся на грабеж и кражу со взломом, женщины — на воровство и проституцию? Но государству дела нет до того, что такое голод, — горек или сладок, — оно бросает этих голодающих людей в свои тюрьмы или ссылает в колонии для преступников, а когда выпускает их оттуда, то может с удовлетворением видеть достигнутый результат — людей, лишенных хлеба, оно превратило в людей, лишенных еще и нравственности».

В методологии современной криминологии, как совокупности основополагающих исследовательских методов, предлагается использовать не только традиционные методы (сравнительный, исторический), но и пришедший из кибернетики системный подход, основанный на понимании системы в качестве совокупности взаимосвязанных элементов, образующих интегральное целое, не сводимое ни к одному из этих элементов. Так появляется концепция,

исследующая преступность как систему во взаимосвязи ее с некоторыми иными саморазвивающимися системами общества – институтом семейных отношений, правоохранительных органов, экономикой, массовой коммуникацией и др. Применение сравнительного анализа позволяет выявить остроту проблемы преступности в отдельных странах и внутри государства в различные исторические эпохи, уровень прогресса, достигнутого теми или иными государствами в отношении гуманизации и эффективности уголовной политики и т. д. Кроме того, применяются методы классификации, причинно-следственного объяснения, синергетический подход и т. д. [14, стр. 22-24].

Криминология является центром научных воззрений, которые именуются социальной патологией (девиантологией).

Девиантология наряду с преступностью изучает многочисленные виды «отрицательных» социальных отклонений (девиаций) – пьянство и алкоголизм, наркотизм, проституцию, аморализм и др., «положительные» отклонения – различные виды творчества, а также взаимосвязи между видами отклонений, их общее развитие, общую теорию социального контроля [3, стр. 14].

Объектом девиантологии является отклоняющееся поведение личности (девиантное поведение).

Методологические моменты, определяющие специфику девиантологии как науки:

- формирование научно обоснованного, целостного представления о современном состоянии проблемы отклоняющегося поведения личности;
- исследование поведенческих форм, видов деятельности, с точки зрения их функционально-адаптивных возможностей, их роли в процессе эволюции, их взаимосвязей с иными поведенческими формами, видами деятельности;
- разработка методов социальной помощи, коррекции, альтернативных наказанию и принуждению;
- исследование путей и средств расширения прав и сокращения запретов; обеспечения реализации правового принципа «все допустимо, что прямо не запрещено»; определение позитивных, стимулирующих правовых норм и санкций, тем более что

вообще «как фактор развития право функционирует тогда, когда становится защитником людей, поступающих нонконформистски, когда обеспечивает защиту изобретателям, новаторам во всех областях, глашатаям новых идеологий, когда оно обеспечивает им возможность выразить себя и создать новые ценности» [4, стр. 16-17].

Для лучшего понимания девиантного поведения, раскрытия природы и причин социальных отклонений необходимо, прежде всего, вспомнить основные положения девиантологии:

- Девиации («отклонения») – естественный, закономерный, необходимый способ изменения физических, биологических социальных систем. Девиации (флуктуации в неживой природе, мутации – в живой) служат механизмом изменчивости, а следовательно, существования и развития каждой системы.

- Социальные девиации и девиантное поведение могут иметь для системы двоякое значение. Одни из них – *позитивные* – выполняют негэнтропийную функцию, служат средством (механизмом) развития системы, повышения уровня ее организованности, устранивая, преодолевая устаревшие стандарты поведения. Это – социальное творчество во всех его проявлениях (техническое научное, художественное и т. п.). Другие же – *негативные* – дисфункциональны, дезорганизуют систему, повышают ее энтропию (преступность, терроризм, коррупция, пьянство и др.).

- Социальная норма выражает исторически сложившийся в конкретном обществе предел, меру, интервал допустимого (дозволенного или обязательного) поведения, деятельности индивидов, социальных групп, организаций. В отличие от естественных норм протекания физических и биологических процессов, социальные нормы складываются как результат отражения (адекватного или искаженного) в сознании и поступках людей закономерностей функционирования общества. Поэтому социальная норма может либо соответствовать законам общественного развития (и тогда она является «естественной»), либо отражать их неполно, неадекватно, являясь продуктом искаженного (религиозного, политизированного, мифологизированного) восприятия объективных закономерностей. И тогда оказывается

анормальной сама «норма», «нормальны» же (адаптивны) отклонения от нее.

- Границы между позитивным и негативным девиантным поведением подвижны во времени и пространстве социумов; в одном и том же обществе существуют различные нормативные субкультуры [4, стр. 166-167].

В науке и в обыденной жизни понятия *социальная норма* и *девиация* используются повсеместно. Соотношение их исследуется на основе способов получения нормы (так называемых критериев):

- **статистический критерий** (метод), который позволяет определить норму для любого явления с помощью подсчета *частоты*, с которой оно встречается в популяции. С точки зрения математической статистики нормально все то, что встречается часто, т. е. не реже, чем в 50 % случаев.
- **качественно-количественная оценка** поведения по степени его выраженности и *степени угрозы* для жизни. Например, употребление алкоголя признается нормальным явлением в разумных границах (при небольших дозах и частоте), но отклоняющимся – при злоупотреблении. С другой стороны, поведение, представляющее *прямую опасность* для жизни самого человека или окружающих, независимо от его частоты, а порой и степени выраженности, оценивается как отклоняющееся, например, суицид или преступление.
- **психопатологический критерий**, с точки зрения которого все поведенческие проявления можно разделить на две группы: *нормальные* и *патологические* в значении «здоровье – болезнь». В классификации болезней *девиантное поведение* не выделено в качестве отдельной единицы, следовательно, оно не является ни формой патологии, ни строго определенным медицинским понятием. В то же время *девиантное поведение* широко рассматривается в ряду явлений, лежащих *между нормой и патологией*, таких как акцентуации характера, ситуативные реакции, нарушения развития, предболезнь.

Аналогично, любое расстройство из области психической патологии (психопатии, неврозы,

психозы и т. д.) неоднозначно связано с отклоняющимся поведением. В некоторых случаях психические заболевания могут сопровождаться поведенческими нарушениями, вызывая *патогенную дезадаптацию*. В других случаях психических расстройств поведенческие девиации отсутствуют.

- **социально-нормативный критерий**, на основе которого поведение, соответствующее требованиям общества в данное время, воспринимается как нормальное и одобряется. Отклоняющееся поведение, напротив, противоречит основным общественным установкам и ценностям.
- **индивидуально-психологический критерий** отражает все возрастающую ценность каждой личности, ее индивидуальности. В соответствии с данным критерием современные требования к человеку не ограничиваются его способностью выполнять социальные предписания, но предполагают также самопознание и самобытие личности [6, стр. 7-11].

С точки зрения *эффективности права и соответствия поведения человека определенным типам социального поведения*, ведущим показателем нормальности поведения в девиантологии является уровень социальной адаптации личности. При этом нормальная, *успешная адаптация* характеризуется оптимальным равновесием между ценностями, особенностями индивида и правилами, требованиями окружающей его социальной среды. Соответственно, *дезадаптация* – это состояние сниженной способности (нежелания, неумения) принимать и выполнять требования среды как лично значимые, а также реализовывать свою индивидуальность в конкретных социальных условиях.

Девиантология различает социальные и индивидуальные проявления дезадаптации.

Социальными проявлениями дезадаптации являются:

- сниженная обучаемость, неспособность зарабатывать своим трудом;
- хроническая или выраженная неуспешность в жизненно важных сферах (семье, работе, межличностных отношениях, сексе, здоровье);

- конфликты с законом;
- изоляция.

В качестве *индивидуальных проявлений дезадаптации* могут рассматриваться:

- негативная внутренняя установка по отношению к социальным требованиям (несогласие с ними, непонимание, протест, оппозиция);
- завышенные претензии к окружающим при стремлении самому избегать ответственности, эгоцентризм;
- хронический эмоциональный дискомфорт;
- неэффективность саморегуляции;
- конфликтность и слабая развитость коммуникативных умений;
- когнитивные искажения реальности [6, стр. 10].

Человек может переживать различные чувства

– от легкой тревоги и неуверенности в себе до невыносимых аффектов беспомощности, страха, отчаяния. При этом возможны расхождения между реальным социальным статусом личности и его индивидуальным осознанием.

Социальный контроль в девиантологии включает в себя регулирование социального поведения индивидов с позиций культуры, морали, права. В этом процессе у индивида и общества складываются социальные отношения более сложные, чем «подгонка» индивидуальных качеств под социальный стандарт. С помощью разнообразных санкций общество контролирует исполнение личностью социальной роли в соответствии с определенными нормами, то есть очевидны две составляющие – *нормы и санкции*. В концепциях социального контроля, в первую очередь, обращается внимание на то, что формирует *конформное поведение*, выявляются его условия и признаки (нормы), а *девиантному поведению* индивида «достаются» санкции. В науке принято следующее определение *социального контроля*: «практика всех видов социальных групп по предписанию и поощрению *конформности* и применению санкций к поведению, нарушающему принятые нормы»; различают два процесса контроля – применение санкций – либо позитивных, вознаграждающих конформное поведение, либо негативных, наказывающих неподчинение [1, стр. 255-256].

И.А. Грошева подчеркивает, если причинно-следственные признаки девиации выявляются, а санкции широко применяются, то это означает, что

проблемам профилактики уделяется неоправданно мало внимания. Прежде всего, вызывает опасение тот факт, что в обществе наблюдается *кризис сферы социального контроля* как одного из способов саморегуляции социума, выражющийся в его деформации, что, в свою очередь, способствует усилению проявлений девиаций [5, стр. 97].

Для объяснения отклоняющегося поведения девиантология в качестве приоритетного выделяет когнитивно-поведенческий метод исследования.

Социология права – наука, связанная с анализом социального конструирования правовой реальности.

Объектом изучения социологии права, согласно Тимашеву, является человеческое поведение в обществе в той степени, в какой оно связано с правом.

Методологические моменты, определяющие специфику социологии права как науки:

- познание реальной социальной действительности в контексте функционирования правовых факторов, механизмов воздействия права на социальные отношения и обратного влияния социальных отношений на формирование права;
- познание права в его действии и выяснение условий эффективности последнего; исследование возможных побочных негативных последствий действия права;
- определение социотехнических рекомендаций, которые позволили бы осуществлять рациональные и эффективные преобразования социальной действительности; создание теоретической базы для развития научной политики в области права [7, стр. 8].

По мнению С.Н. Тимашева, содержание социологии права зависит от структуры социального явления «право». Право – сложный вторичный феномен, в котором объединены два первичных социальных явления – этика и власть [11, стр. 109], анализировать которые следует в виде комплексных систем поведения.

Соотношение социальной нормы и девиации, с точки зрения социологии права, – две равноценные составляющие социально-ролевого поведения. Конформное поведение соответствует социальным нормам. Девиантное поведение, являясь результатом сложного взаимодействия процессов, происходящих в обществе и сознании

человека, направлены на преодоление фрустрации – препятствия, вставшего на пути достижения цели, и проявляются через социально значимые действия. Антифрустрирующее действие всегда сопровождается определенной долей риска, но не обязательно носит разрушительный характер. Характер девиантного поведения, направленность энергетического потенциала человека зависят, во-первых, от того, как ему свойственно отвечать на возникающие трудности: путем созидательных или разрушительных действий, во-вторых, – от того, насколько общество стимулирует социально-инновационные, созидательные действия личности [7, стр. 148].

По мнению О.С. Осиповой, необходимо проводить различие между двумя видами девиантного поведения: созидательным и разрушительным.

Девиантное поведение деструктивной направленности – это совершение индивидом или группой социальных действий, отклоняющихся от доминирующих в обществе (отдельной социальной группе, страте) социокультурных ожиданий и норм.

Созидательные девиации (социальные инновации, нововведения) – это социально значимые в действиях человека отклонения от общепризнанных норм поведения, определяющие наиболее прогрессивный вектор эволюционного развития общества. Границы между позитивной и негативными формами девиантного поведения подвижны во времени и социальном пространстве. Созидательная девиация должна рассматриваться как совершенно нормальное явление в жизни любого общества, так как даже самый совершенный закон не в состоянии учесть всего многообразия житейских ситуаций. Степень совершенства закона относительна, поскольку общество изменчиво [9, стр. 107-108].

Важными условиями *эффективности права* в обществе являются правильная оценка взаимозависимости между нормой права и объективной действительностью, нормой права и поведением людей, а также верная оценка особенностей правовой нормы как средства воздействия.

Эффективность правовых норм требует конкретно-исторического подхода к ним, значение которого становится очевидным при условии понимания эффективности не отдельной правовой нормы, а всей правовой системы. Когда в правовой системе существуют противоречия и их

разрешение затягивается, то тогда снижается и эффективность отдельной правовой нормы. Данное положение относится как к последствиям применения, правовых норм, касающихся поведения индивида, так и норм, регулирующих деятельность организаций. Если организация как «целое» стала адресатом нормы, то есть объектом внешнего правового регулирования (применение санкций к ней), это дополняется не только собственной деятельностью организации, но и конкретным поведением людей этой организации.

Таким образом, на правовое поведение личности в обществе влияют ее мотивы, которые неразрывно связаны с характером и спецификой потребностей и интересов микро и макрогрупп, общества в целом. Поведение личности зависит от ее осознания и проявления норм права, реализуемых государством через систему своих учреждений и организаций, выполняющих регулятивную и контрольную функции.

Пути решения проблемы «*социального контроля*» в социологии права, на наш взгляд, во многом отражены в утверждении Й. Шойера: «Понимание человеческих поступков, их предсказание и контроль не даются при помощи той или иной аналогии или какой-нибудь группы таковых. Спенсеровская биологистика, Паретовская механика, психо-динамические производные Фрейда, или последние, более утонченные употребления этих метафор, например, в Парсоновских «сцеплениях», все эти системы к окончательному пониманию человеческих явлений не ведут. Подход к теориям и методам, при которых нет потребности в определенной формуле, т. е. подход Тимашева, открывает путь для той социологии будущего, которой придется иметь дело с новыми социальными системами и новыми идеями, так быстро и в таком изобилии возникающими во второй половине XX столетия. Очень возможно, что социология новой эры будет в состоянии иметь дело с любыми моделями. Только совокупность возможных моделей сможет компетентно показать и истолковать все виды человеческих поступков и их значение в обществе [15, стр. 269-280].

Главный метод социологии права – каузальное исследование.

Таким образом, правовые явления, выступающие объектом различных наук, в частности криминологии, девиантологии, социологии права, исследуются специфически с

выделением своей предметной области.

Если социология права изучает право как вещь (точнее, правовые феномены как вещи), то науки социальной патологии (криминология, девиантология) изучают право, фактическое поведение человека в его связи с девиацией, преступлением и наказанием.

Данные, собранные с помощью различных методов и благодаря социологическим и криминологическим исследованиям, отражают поведение современного цивилизованного человека. Достоверность этой информации проверяется вышеперечисленными науками. Значение их результатов нельзя преувеличивать, однако социология права не должна стать просто теорией примитивного права, так же как и

социология вообще не должна быть просто наукой о примитивном поведении человека. Бессспорно, все эти науки должны всячески содействовать развитию друг друга. По-мнению Тимашева, «социология права – единственная наука, которая могла бы раскрыть объективные, а не чисто субъективные и конъюнктурные пределы феномена права. Эти пределы установлены различиями в социальной интеракции. В праве «равная интеракция», образующая суть признания норм группой членов, сочетается с «неравной интеракцией», связанной с властью» [11, стр. 110].

Теоретические подходы к праву, правовым аспектам социальной жизни и перспективам их развития весьма разнообразны и оставляют перспективу выбора.

Список литературы

1. Большой толковый социологический словарь (Collins). Том 2 (П-Я) / Пер. с англ. – М: Вече, АСТ, 2001.
2. Гилинский Я. Социальный контроль над девиантностью в современной России: теория, история, перспективы // Социальный контроль над девиантностью в современной России. – СПб., 1998.
3. Гилинский Я.И. Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. Курс лекций. – СПб, 2002.
4. Гилинский Я.И. Девиантность, преступность, социальный контроль. Избранные статьи. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004.
5. Грошева И.А. Социальный контроль в практиках профилактики девиации // Социологические исследования. – 2008. – №2.
6. Змановская Е. В. Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения): Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003.
7. Касьянов В.В., Нечипуренко В.Н. Социология права. – Ростов н/Д: Феникс, Серия «Учебники «Феникса», 2001.
8. Криминология: Учебник / Под ред. д.ю.н. В.Н. Бурлакова, д.ю.н. Н.М. Кропачева. – СПб: Санкт-Петербургский университет, Питер, 2002.
9. Осипова О.С. Девиантное поведение: благо или зло? // Социологические исследования. – 1998. – №11.
10. Преступность среди социальных подсистем. Новая концепция и отрасли криминологии / Под ред. докт. юрид. наук, профессора Д.А. Шестакова. – СПб: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003.
11. Тимашев Н.С. Что такое социология права? // Социс. – 2004. – №4.
12. Трайнин А.Н. Уголовное право. Часть Общая. – М., 1929.
13. Шестаков Д.А. Понятие преступности в российской и германской критической криминологии // Правоведение. – 1997. – №3.
14. Шестаков Д.А. Криминология: Новые походы к преступлению и преступности: Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / Предисл. В.П. Сальникова. – СПб: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006.
15. Шойер Й. Социология Н.С. Тимашева // Новый журнал. – Нью-Йорк, 1964. – № 75.

СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

МОТТАЕВА Анджела Бахауовна,
доцент кафедры экономики и менеджмента
НОАНО ВПО «Институт бизнеса и политики» г.
Москва,
кандидат экономических наук, доцент,
E-mail: angela-1309.m@yandex.ru

Специальность 08.00.05 – Экономика и
управление народным хозяйством: региональная
экономика

МЕСТО И РОЛЬ ПОЛИТИКО-СОЦИАЛЬНЫЙ ПОДХОДА В КЛАССИФИКАЦИИ ТИПОВ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ

Аннотация. В статье рассмотрены современные теоретические концепции классификации регионов по видам образования новых направлений развития экономики. Определено место и роль политico-социального подхода в общей массе современных критерииев классификации регионов.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, региональная экономика, классификация регионов.

МОТТАЕВА А.В.

THE PLACE AND ROLE OF POLITICAL-SOCIAL APPROACH IN THE CLASSIFICATION OF TYPES OF ECONOMIC REGIONS

The summary. The article considers the modern theoretical conception classification of regions by types of education new directions of development of economy. Defines the place and role of political and social approach in the total mass of modern criteria of classification of the regions.

Key words: socio-economic development, regional economy, the classification of regions.

Специалистами различных научных институтов регионального профиля разработано достаточно большое количество классификаций (типологий) регионов, однако наибольшее распространение получили региональные типологии, предложенные Советом по изучению производительных сил, которые ориентированы на цели, задачи и механизмы региональной политики. Основная типология имеет три измерения:

- уровень социально-экономического развития;
- динамичность развития;
- природно-географические условия (климат, положение относительно центра страны,

тяготение к регионам мирового рынка и т. п.).

Безусловно, эти критерии отражают наиболее значимые для региона показатели, однако их состав, по нашему мнению, недостаточен, во-первых, с точки зрения конкретики (понятие «уровень социально-экономического развития» является достаточно широким и может включать всевозможные показатели в зависимости от желания субъекта исследования), во-вторых, наличия промышленного, научного и некоторых других видов потенциала региона и динамики его развития.

Например, заслуживает внимания исследование

предпринимательской привлекательности регионов России, проведенное авторским коллективом географов, экономистов и других специалистов МГУ, Экспертного института, Аналитического центра (Управления) Президента РФ и других организаций под научным руководством к.г.н. А.М. Лаврова, опубликованное в книге [8, стр. 45].

В этой работе сделаны расчет и анализ интегрального индекса количественной оценки предпринимательского климата российских регионов по 10 факторам:

- 1 – природно-ресурсный потенциал;
- 2 – демографическая ситуация;
- 3 – экономический потенциал;
- 4 – уровень экономического развития;
- 5 – экономическая активность;
- 6 – уровень жизни населения;
- 7 – состояние региональных финансов;
- 8 – ход экономических реформ;
- 9 – политическая ориентация избирателей;
- 10 – устойчивость и влиятельность региональных властей.

Каждый факторный индекс региона определяется на основе группы показателей, отнесенных к среднероссийскому значению.

Следует заметить, что в исходной информации для этих оценок заметны элементы субъективизма и спорных допущений. Имеются и пробелы, например, в назначении баллов отдельным природным ресурсам, формировании факторных показателей «хода реформ» и «политических» параметров (факторы 9 и 10). Справедливо отмечая в работе важность учета экономико-географического положения региона, авторы не отразили его в расчетах, вследствие чего ряд благоприятных в этом отношении территорий оказался «отодвинутым» далеко назад (Мурманская, Псковская, Новгородская и др. области). Однако в целом распространение «сильных» факторов (природные ресурсы, экономический потенциал, демографическая ситуация и др.) предопределило распределение регионов по объективным в основном типологическим группам.

Особенно это характерно для «полярных» групп – с высокой и очень высокой и с низкой степенью привлекательности предпринимательского климата (соответственно, 14 и 12 регионов). Первые – развитые, в основном экономически активные и финансово достаточные территории, некоторые имеют и высокий

природно-ресурсный потенциал, хотя, как в Тюменской области, с индексом 2,23, уступающим интегральному – 2,75). Вторые же – экономически отсталые субъекты Федерации, почти сплошь национальные формирования, с некоторыми повышенными против интегрального факторными индексами (природно-ресурсный, демографический, уровня жизни), но значительно уступающими среднероссийским значениям.

Еще более подробная разработка критериев классификации встречается в издании [6, стр. 56] под ред. В.Г. Алиева. Автор выделяет порядка 21-го критерия, которые, по его мнению, могут характеризовать состояние конкретного региона по отношению с остальными. Основной акцент он при этом делал на выделение депрессивных регионов, однако и для остальных типов регионов данная классификация имеет возможность применения. В качестве критериев В.Г. Алиев выделял следующие:

- 1) инерционность развития;
- 2) несбалансированность в развитии различных секторов экономики;
- 3) специализация на отраслях тяжелой индустрии (горно-добывающая отрасль, машиностроение, металлообработка, судостроение);
- 4) историко-культурная обособленность;
- 5) географическая изолированность;
- 6) экономическая периферийность;
- 7) наличие месторождений полезных ископаемых;
- 8) наличие транспортных условий;
- 9) высокая концентрация промышленной активности;
- 10) интенсивная эксплуатация природных ресурсов;
- 11) предельная полнота переработки ресурсов и извлечения полезной продукции;
- 12) технологическая взаимосвязь отраслей;
- 13) «лучевая» структура межрегионального взаимодействия;
- 14) отсутствие стимулов к технологическому обновлению, невосприимчивость к влиянию НТР;
- 15) малая степень диверсификации производства;
- 16) подчиненность обслуживанию национального рынка («регион для страны»);
- 17) зависимость от традиционных отраслей;
- 18) зависимость от внешней конъюнктуры спроса;

- 19) ориентация на вывоз ресурсов из региона;
- 20) дисперсная модель урбанизации;
- 21) негативное воздействие на окружающую среду.

Большим преимуществом использования вышеперечисленных критериев для классификации регионов является то, что они затрагивают практически все стороны социально-экономической деятельности региона.

Тем не менее, многообразие критериев затрудняет разделение регионов на определенные группы, что не позволяет в полной мере использовать комплексный универсальный инструментарий управления регионом для отдельно выделенных групп. Появляется необходимость учитывать весь набор критериев при разработке экономической политики региона.

В современной экономической деятельности существование и постоянное возникновение новых территориальных диспропорций в развитии любой страны – явление обыденное. Региональные различия обусловлены как объективными, так и субъективными факторами. Так, если первые связаны с природно-климатическими условиями, экономико-географическим положением, историческими и социокультурными особенностями, то вторые находят выражение в реализации региональной политики властей всех уровней.

Результатом нарастания региональных диспропорций зачастую становится как образование так называемых депрессивных районов с устойчивой отрицательной динамикой социально-экономических показателей, так и регионов с большим потенциалом для устойчивого развития. В депрессивных регионах кризисные явления обладают мультиплективным эффектом и блокируют возможности регионального воспроизводственного процесса в целом и его отдельных элементов: происходит деградация ресурсного, хозяйственного, социального и экологического потенциалов территории, что препятствует развитию инноваций в регионе.

С другой стороны, регионы с потенциалом для устойчивого развития обладают большим запасом прочности, и целью для них является выбор направления развития.

Все это делает необходимой разработку основ региональной политики, предусматривающей недопущение и сглаживание резких территориальных диспропорций. Эффективность поддержки

проблемных регионов, в том числе преодоления депрессивных тенденций, определяется, прежде всего, наличием четкого представления о сути этого явления [6, стр. 58].

Необходимо провести анализ существующих подходов к классификации регионов по различным признакам, определенным в начале данного пункта, что позволит нам наиболее полно разобраться с понятием «устойчивый рост» и определить основные признаки, его обуславливающие.

Анализ вышеуказанных критериев показал, что современные исследователи недостаточное внимание уделяют инновационной составляющей устойчивого развития региона. Некоторые из критериев могут характеризовать инновационный потенциал региона, однако ни одна из классификаций, построенная на выделенных критериях, не определяет характер инновационной политики в регионе.

Особенно велико влияние новых направлений научно-технического прогресса на региональное развитие [3, стр. 86]:

- комплексная механизация;
- автоматизация;
- внедрение новых информационных технологий;
- активная инновационная деятельность.

Особенно важен последний фактор, поскольку достаточно сильный толчок к прогрессу может обеспечить только привлечение инновационных технологий в регион.

Изучение процессов создания и освоения производственных нововведений и способов оценки их эффективности, как специфических процессов трансформации нерыночных, эстатистской экономики в рыночную, является весьма продуктивным с точки зрения реализации стратегии рыночных реформ с ориентацией на конечные результаты.

Иначе говоря, рассматривая пореформенные мероприятия как нововведения и оценивая их результаты как результаты инновационной деятельности, можно с достаточно высокой степенью вероятности прогнозировать степень полезности и ценности проведения в жизнь любого социально-экономического решения, будь то комплекс мер по структурным преобразованиям и приватизации, совершенствованию налоговой или банковской системы, повышения эффективности функционирования промышленного и транспортного комплексов региона и т. п. При

использовании инновационного подхода к формированию элементов рыночной экономики существенным образом повышается обоснованность и надежность принимаемых решений на каждой стадии их реализации.

Таким образом, при проведении классификации регионов для целей построения политики устойчивого развития, необходимо ввести следующие признаки классификации.

Во-первых, величину *инновационного потенциала*, под которым мы будем понимать совокупную возможность отраслевых непостоянных ресурсов, позволяющих увеличивать капиталовооруженность труда и способность хозяйствующих субъектов, оперирующих запасами этих ресурсов, обеспечивать во времени устойчивый экономический доход.

Во-вторых, достаточно важным критерием, на наш взгляд, являются *направления развития инновационного потенциала региона*, которые определяются ориентированностью региона на использование тех или иных доступных видов ресурсов. В качестве примера такой направленности может служить ориентация на сельскохозяйственное развитие, добычу и реализацию природных ресурсов, организацию промышленных групп или кластеров и т. д.

Анализ вышеуказанных критериев позволил выделить существующие классификации регионов, которые, на наш взгляд, имеют наибольшее значение при разработке концепции политики устойчивого развития региона.

Анализ различных мнений российских экономистов позволяет утверждать о следующих основных подходах к типологизации регионов: политико-социальном, функциональном, функционально-стоимостном, инвестиционном, подходе, разработанном учеными новосибирской региональной школы, подходе с точки зрения развития промышленного производства, подходе с точки зрения качества предпринимательского климата.

Проблема типологии региональных экономических пространств неразрывно связана с вопросами типологии регионов. В качестве исходной посылки исследования этой проблемы обратимся к А.Г. Гранбергу: «Логическую и методе логическую базу российской стратегии образует парадигма: экономика России не монообъект, а многорегиональный организм,

функционирующий на основе вертикальных (центр – регионы) и горизонтальных (межрегиональных) взаимодействий и входящий в систему мирохозяйственных связей» [4, стр. 63].

Политико-социальный подход представлен довольно большим количеством работ, разносторонне рассматривающих проблему типологии регионов. В рамках этого подхода можно выделить несколько направлений.

Общеметодологическое, представленное работами А.Г. Гранберга, А. Лаврова и других экономистов.

Наиболее концентрированно это направление представлено у А. Лаврова, где проведена типология регионов более чем по десяти критериям и выделены «модельные» регионы восьми типов: «столичного» типа, экспортноориентированные, финансово сильные регионы с крупной промышленностью и др. [8, стр. 78].

Несомненным достоинством общеметодологического направления является глубокая систематизация типологии, что может рассматриваться в качестве основы дальнейших теоретических региональных исследований данного профиля.

Политологическое направление рассматривает проблему типологизации с позиций уровня жизни и социальных условий в регионе.

Одним из наиболее значимых критериев типологии регионов, применяемых приверженцами данного направления, является уровень разгосударствления различных сфер экономики, степень «глубины» экономических преобразований в регионе. При этом оценивать последнюю предлагается по уровню административного вмешательства государства в экономику – через объемы федеральных субсидий и трансфертов и их влияние на социально-экономическую обстановку в регионе. В качестве индикаторов такой оценки используются показатели глубины спада производства в экономике региона, прожиточного минимума, уровня и темпа роста номинальных доходов населения, финансового положения региона, уровня преступности и др.

К сожалению, к настоящему времени еще не выработана целостная конвенция уровня жизни, а проблема темпов экономических преобразований зависит от целого ряда факторов, имеющих историческую, национальную и другие составляющие, что явно «просматривается» в наработках представителей рассматриваемого направления

исследований. На наш взгляд, приверженцы политологического направления склонны упрощать проблему.

Социальное направление, рассматривающее проблему типологизации регионов с позиций функционирования рынка труда. О роли рынка труда и безработицы в функционировании региональной экономической системы существует множество мнений, и все они имеют основания для своего существования. Противоречивость безработицы, как явления, заключается в том, что практически ни в одном регионе не существует серьезных проблем недостатка «человеческого материала». Напротив, везде наблюдается безработица и в то же время постоянно имеются вакантные рабочие места. Сложность и неоднозначность проблем, связанных с безработицей, обусловлена еще и тем, что содержит в себе и положительные, и отрицательные элементы воздействия на региональную экономическую систему. С одной стороны, уровень безработицы в регионе является как бы барометром его экономического благополучия. К примеру, И. Заславский пишет, что при условии эффективной занятости и открытого характера безработицы «...она является условием экономического роста, обеспеченного более высокой производительностью, результативностью труда» [5]. С другой стороны, безработица сопровождается шлейфом значительных экономических и социальных издержек и в этом смысле ее влияние на социально-экономическое развитие региона имеет отрицательные последствия. Ф. Прокопов отмечает, что в результате роста уровня безработицы «...сокращается покупательная способность населения, бюджеты теряют налогоплательщиков, а предприятия – кадры, увеличивается риск

социальной изоляции, дополнительные расходы на поддержку безработных усиливают налоговое бремя» [3, стр. 38].

В качестве индикаторов для типологии регионов используются показатели, применяемые в методологии межотраслевой теории (МОТ).

Об отрицательном воздействии безработицы на социально-экономическое развитие региона имеет смысл говорить лишь при достаточно высоком ее уровне (по разным источникам – выше 15-20%). Кроме того, рынок труда каждого региона имеет ярко выраженную специфику, поэтому, на наш взгляд, типология, основанная на этом признаке, может быть использована при решении достаточно узкого круга региональных проблем, связанных прежде всего с социальной стабильностью.

Комплексное направление рассматривает региональные проблемы с позиций устойчивого развития, повышения качества жизни и развития социальной сферы. Это направление достаточно быстро развивается, что связано с интенсивной разработкой теоретических проблем оценки качества жизни и вопросов устойчивости развития социально-экономических систем, в том числе и регионального уровня. Все больше экономистов уходят от узкого толкования понятий устойчивого и стабильного развития.

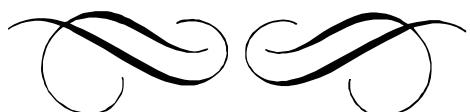
В качестве индикаторов, по которым осуществляется типология регионов, представителями данного направления используется весьма широкий спектр показателей социально-экономического развития регионов (у отдельных авторов список таких показателей не ограничивается и тремя десятками).

Данное направление, с нашей точки зрения, является достаточно перспективным, хотя общий методологический подход в его рамках пока не выработан.

Список литературы

11. Алиев Б.Х. Промышленная политика и экономика. – М.: Экономика, 2000. – 103 с.
2. Бережной Л.Н. Теория оптимального управления экономическими системами: Учебное пособие. – СПб: Знание, 2002. – 63 с.
3. Бирюков А.Г. К оценке бюджетной обеспеченности регионов // Финансы. – 2001. – № 4.
4. Бияков О.А. Экономическое пространство региона: процессный подход. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. – 244 с.
5. Бобров В.В. Интегрируясь в систему международных транспортных коридоров // Логистика и транспорт. – Самара: Изд-во «Волга-бизнес», 2002. – № 12.
6. Будвиль Ж.-Р. Модель территориального развития новых регионов - эконометрические теории. – М.: ИКЦ «Маркетинг», 2001. – 395 с.

7. Будрина Е.В. Проблемы формирования и управление развитием регионального рынка транспортных услуг. – СПб.: СПбГИЭУ, 2002. – 276 с.
8. Бутов В.И. Основы регионоведения. – Ростов-на-Дону, 1998.
9. Гаврилов А.И. Региональная экономика и управление: Учеб. пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАТА, 2002. – 239 с.
10. Гаджинский А.М. Логистика: Учебник для вузов / Издательско-книготорговый центр «Маркетинг». – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ИКЦ «Маркетинг», 2001. – 395 с.
11. Горшенина Е.В. Приоритеты, механизмы и модели экономического развития региона // Докт. дисс. – Тверь, 2000.
12. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики: Учебник для вузов. – М.: Изд. Дом ГУВШЭ, 2004. – 495 с.

ШЛАФМАН Александр Изевич,
профессор кафедры управления Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов,
кандидат экономических наук, профессор
E-mail: izevich@yandex.ru

Специальность 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством

ГРУППА СОЦИАЛЬНЫХ РЕГУЛЯТОРОВ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СТРУКТУР

Аннотация. В статье рассматриваются характерные особенности социальных регуляторов корпоративной культуры предпринимательских структур. Выделяя конкретный социологический институту, автор путем комплексного анализа в аспекте современного развития корпоративной культуры определяет степень влияния обозначенных регуляторов на эффективность предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: социальные регуляторы; корпоративная культура; предпринимательская деятельность.

SHLAFMAN A.I.

GROUP OF SOCIAL REGULATORS OF CORPORATE CULTURE OF ENTERPRISE STRUCTURES

The summary. In article prominent features of social regulators of corporate culture of enterprise structures are considered. Allocating concrete sociological to institute, the author by the complex analysis in aspect of modern development of corporate culture defines degree of influence of the designated regulators on efficiency of enterprise activity.

Key words: social regulators; corporate culture; enterprise activity.

Данная группа регуляторов подразделяется на две подгруппы – это общественные и корпоративные культурные регуляторы. В свою очередь в каждой подгруппе есть составляющие – это конкретные социальные регуляторы. Дадим определение основным понятиям.

Культура (от лат. cultura – возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание) – исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях. Очень часто понятие «культура» используется в узком смысле, т. е. для обозначения только духовной культуры, только набора этических норм и правил, обычаяев и традиций, а

применительно к культуре организации – для обозначения традиций, норм, правил, обычаяев, влияющих на поведение работников организации.

На общество и малые предприятия (МП) оказывает воздействие определенная система ценностей, сложившаяся исторически, а также сформировавшаяся под влиянием особенностей культуры территории проживания и семейного уклада. Ценности дают критерии, с помощью которых оценивают события, предметы и людей по их относительным достоинствам или моральным качествам. Регулятивное влияние понятия ценность – это косвенное внутреннее мотивирование человека на особое поведение и деятельность, которые позволяют ему приблизиться и достичь его системы ценностей. Ценности подразделяются на материальные и духовные. В

качестве примера духовных ценностей перечислим следующие: успех в работе, уважение к человеческой личности, свобода самовыражения, национальная гордость и многое другое – все это ценности, образующие самый глубокий, наиболее устойчиво-равновесный и стабильный регулятивный пласт.

Нынешнее российское государство закладывает противоречивые основы ценностей в обществе. С одной стороны, власти культивируют ценность денег, богатства и высокого положения. Фактически создалось положение, при котором капитал уже получил реальные преимущества в пропаганде и культивировании угодных ему идеологий и ценностей. С другой стороны, укрепляются новые гуманистические ценности, такие как справедливость, высокая нравственность в труде, в быту, в повседневном общении, социальная защищенность и взаимопомощь. Формируя ценностные ориентиры общества, власти создают единую идеологию в стране.

Идеология – это система взглядов, характеризующих какую-нибудь социальную группу или общество. Идеология не обладает формальной нормативной силой, а лишь создает предпосылки для изменения мировоззрения и создания традиций.

Уточненное определение идеологии по Трейси идентифицируется пятью характеристиками: идеология – это теория, дающая некоторую модель понимания системы ценностей человека и окружающего его мира; идеология – это обоснованная программа социального и политического устройства общества; идеология предполагает готовность к предполагаемой борьбе за реализацию определенной программы; идеология подразумевает старание не только убедить, но и привлечь новых сторонников, прибегая иногда к насилию; идеология предполагает адресацию к широким слоям народа, с последующим выделением некоторой группы интеллектуалов – вождей. Если принять определения Трейси, то, для того, чтобы создать новую идеологию нашему обществу, необходим волевой правитель, желающий совершенствовать общество на основании гуманных ценностных ориентиров и имеющий возможность убедить и повести людей за собой. Только гуманская идеология, продуманная и отвечающая требованиям современного общества, может сыграть положительную роль.

В России всегда был огромный разрыв между государственной властью и простыми гражданами, это явление усугублялось еще и территориальными масштабами страны. Так, колossalные пространства зарождали у человека ощущение ничтожества и беспомощности перед гигантской страной и вездесущим государственным аппаратом, наряду с тем, что государственный аппарат формировал идеологию потребителя ресурсов страны и человеческих ресурсов, ничего не давая взамен. Это было предтечей той идеологической пустоты, которая сформировалась и имеет отрицательные отражения на общество наших дней.

Эффективность деятельности организации зависит от идеологии в значительно большей степени, чем мы себе представляем. Питер Друкер говорил о том, что проблемы развивающихся стран сосредоточены не в сфере экономики, а в управлении. Идеология предприятия указывает о его культурном развитии и нахождении на высокой стадии развития. При установлении единой идеологии внутри МП создается одна команда, способная достигать больших успехов, чем разрозненные индивиды.

Для малых предприятий нет особой необходимости прописывать идеологию и пользоваться ей как должностной инструкцией. В предприятиях, где один предприниматель исполняет обязанности руководителя и работает небольшое количество сотрудников, идеология существует на внутреннем подсознательном уровне и часто претерпевает коренные изменения. В условиях перехода России к рыночной экономике в идеологии МП могут преобладать такие основы, как резкое усиление значимости ценностей (профессиональная самореализация, стремление к добросовестному труду и выполнению профессионального долга); обращение в системе социальных ценностей и нормам здравого смысла, простым истинам, хорошо усваиваемым рецептам – честности, искренности, чувству долга и другим нравственным критериям, культивируемым в современном менеджменте. Идеологическое оформление развития нового российского предпринимательства связано сейчас, в первую очередь, с настойчивыми попытками утвердить в общественном сознании ценности индивидуализма и потребительства. Однако представляется, что не отсутствие подобных установок задерживает развитие личной деловой инициативы в

современной России – они-то как раз проявляются в нашем обществе в избытке – а, во-первых, недостаточное развитие культуры повседневного труда, во-вторых, нарушение структурной целостности российской культуры.

Для формирования национальной идеологии необходимо огромное количество составляющих, зависящих как от государственного аппарата, так и от общества. Одним из основных состоящих является образование, как неотъемлемая часть современного человека и общества в целом, а также регулятор уровня духовной культуры населения. Оно позволяет индивиду адаптироваться к окружающей действительности, используя опыт предшествующих поколений. Образование способствует социализации, с помощью которой индивид приобретает модели поведения, необходимые ему для эффективного участия в жизни общества. От уровня образования напрямую зависит качество трудовых ресурсов, а следовательно, и состояние предпринимательства.

Государство берет на себя образовательные функции общества, так же как и функции по профессиональной подготовке и воспитанию потенциальных и уже действующих предпринимательских кадров. При этом во внимание принимается тот факт, что осуществление предпринимательской деятельности в современной ситуации возможно лишь при условии умелого сочетания, трех основных элементов, а именно: общекономическая теория; прикладные знания (бухгалтерский учет, маркетинг, менеджмент), а также элементы психологии, PR и артистизма.

Государство формирует Федеральные программы поддержки предпринимательства, в которых ставит цели по развитию как общего, так и специального образования в сфере предпринимательства. Среди основных направлений реформы образования в России можно выделить: демократизацию системы обучения; компьютеризацию; разработку учебных программ по основам нравственности и этики в предпринимательской деятельности. Например, в Санкт-Петербурге созданы специальные бизнес-школы по типу МВА на базе высших учебных заведений, поддерживаемых из государственного бюджета. К субъектам образовательной инфраструктуры муниципальных образований относятся: справочные и информационные бюро, торгово-промышленные палаты, бизнес-

инкубаторы, а также семинары, конференции, тренинги и другие формы обучения.

Руководство предприятий естественно должно быть заинтересовано в повышении общего образовательного уровня своих работников, также и профессиональной переподготовке с целью совершенствования определенных навыков. Однако не всегда руководство охотно идет на затраты, связанные с этим, особенно в сфере малого предпринимательства. Образование работников на уровне малого предприятия сводится не к противодействию параллельного с работой прохождения учебы в высших учебных заведениях, а реже посещения работниками семинаров и тренингов как выездных, так и внутрикорпоративных.

Несомненно, наряду с образование, вклад в формирование общественной культуры вносит и религия. По определению, религия – это 1) Одна из форм общественного сознания – совокупность духовных представлений, основывающихся на вере в сверхъестественные силы и существа (богов, духов), которые являются предметом поклонения; 2) Сложившиеся непоколебимые убеждения, безусловная преданность какой-нибудь идеи, принципу, нравственному закону, ценности.

Важнейшим каналом религиозности, влияющим на сферу малого предпринимательства, является нравственность. Религиозное влияние на поведение бизнесменов – это влияние, в решающей степени опосредованное этикой. Соединение взрения на мир с вытекающим из него пониманием смысла и нравственных обязательств жизни дает возможность религии выполнять педагогическую функцию, удовлетворять психологические потребности людей, оказывать психотерапевтическое воздействие.

Из истории можно проследить противоречивое влияние религии на предпринимательство. Городской образ жизни в большой степени контролировал сознание человека, что способствовало развитию индивидуализма, а затем и класса предпринимателей, полагающихся главным образом на себя. Однако в XIX в. сильнейшее влияние на систему воспитания и формирование мировоззрения и этические представления российских предпринимателей оказывали религиозное чувство и религиозный опыт. Нередко религия определяла тип хозяйственной деятельности человека, а также оказывала влияние на поведение предприни-

мателей в производственной и социальной сферах, иногда даже на возникновение производства и его отраслевую ориентацию и на изменения договорной системы между рабочими и хозяевами.

За всю историю авторитарного управления в России, инициатива населения не была сильной стороной русского характера. Более того, православная религия тоже сыграла свою роль в отсутствии инициативы. Российская православная церковная традиция никогда не воспевала труд как ключевой элемент в создании здорового и крепкого характера, прочных моральных устоев или высокого уровня жизни. Инициатива в русском характере не культивировалась, при этом церковь проповедовала формулу «раб божий», т.е. если на долю человека выпали материальные и другие трудности, то нужно было смириться и страдать, дабы укрепилась душа. Однако, благодаря иностранным предпринимателям, заботящимся о собственной прибыли в духе российских бизнесменов проникла жажда денег и богатства.

В современной России слияние церкви и предпринимательства принимает вид благотворительной деятельности, что получает высокое одобрение в общественности, но и некоторые налоговые льготы, так как благотворительные взносы не облагаются налогами. Таким образом, религия оказывает противоречивое влияние на общество, в целом, и предпринимательство, в частности. «Возвращение» экономического сознания россиян на его историческое место и наполнение присущими ему духовно-нравственными категориями, ценностями и положительным опытом может оказать воздействие на рост малых предприятий (МП), ориентирующихся на удовлетворение потребностей народа и создание гуманистического общества.

Поддержание руководством МП использования церковных традиций и ритуалов на предприятиях, например освящение при открытии фирмы, завода, проекта, совместные молитвы и посещение Церкви может иметь положительно значение. Религиозные традиции могут быть частью корпоративной культуры на МП.

Корпоративная, или, как часто говорят, организационная культура относится к факторам внутренней среды организации: это образ мышления, действия и жизни трудового коллектива. В рамках социологических исследований признается, что понятия «организационная культура» и «корпоративная

культура» по смысловой нагрузке не идентичны.

С начала 1990-х гг. интерес к корпоративной культуре резко усилился. Это связано, прежде всего, с тем, что возросло понимание того влияния, которое феномен культуры оказывает на успех и эффективность организаций. Многочисленные исследования показывают, что процветание организации непременно связано с высоким уровнем культуры, который формируется в результате продуманных действий руководства. Так, Рюттингер пользуется общим понятием культуры как своеобразной системы, направленной на производство материальных ценностей и восприятия событий, образов чувств и моделей поведения. В своих трудах Кричевский определяет культуру организации на основе учета тех ценностей, на которых она базируется. Наряду с этим Глухов определяет культуру как совокупность норм, условий и ценностей, выбранных, созданных и разделяемых коллективом с целью внутренней интеграции и адаптации к внешним условиям. Процесс адаптации и выживания связан с поиском и нахождением организацией своей ниши на рынке и приспособлением к постоянно меняющемуся внешнему окружению. Внутренняя интеграция невозможно без представлений руководства и сотрудников: о миссии и стратегии, целях, средствах, контроле и необходимой коррекции бизнес-процессов в компании. Следовательно, корпоративная культура – это основа коммуникации, правила адаптации организации к требованиям внешней среды, внутренняя интеграция, а также внутренняя координация участников предпринимательской деятельности. Если эти функции не выполняются удовлетворительно, то может существенно снизиться эффективность организации в целом.

Государство призвано принимать законы, а также создавать особую инфраструктуру, поддерживающую и развивающую культуру общества, в целом, и предпринимательства, в частности. При этом оно само должно быть примером такой культуры, особенно в социальной сфере и сфере экономики, в области выполнения политических обещаний.

После того как руководство сформулирует основные принципы культуры, ее следует закрепить, подбирая новых работников, личные качества, убеждения и навыки которых соответствуют принятым в компании. На следующем этапе новичков надо ознакомить с

правилами компаний – формальными (это делают обычно руководители и опытные сотрудники) и неформальными (с этим хорошо справляются коллеги). Новоприбывших также посвящают в историю компании, пересказывая «легенды», и поощряют к соблюдению культуры. Последнее следует стимулировать регулярным поощрением работников, образцово следующих принятым в компании нормам, и наказанием тех, кто эти нормы нарушает. Работники, «не прижившиеся» в компании, обычно быстро увольняются, а сотрудники, которым подходит атмосфера компании, остаются и делают карьеру. Чем дольше человек работает в организации, чем сильнее влияние на него со стороны корпоративной культуры, тем полнее и прочнее он усваивает эту культуру. Культура есть продукт сочетания всех социальных факторов организации.

Культура является характеристикой всех организаций, посредством которой, в то же самое время, выражается их индивидуальность и уникальность. Однако решающей в любой культуре является взаимосвязь корпоративной культуры, стратегии и целей компании. Сильная корпоративная культура, основанная на бизнес-этике, стандартах поведения, обычаях и традициях стала жизненно необходимой для долгосрочного стратегического успеха МП [2, стр. 191-206].

Постановка проблемы «культура фирмы (корпоративная культура)» сегодня в России становится актуальной прежде всего для крупных компаний. Там, где ни один, ни десять человек не в состоянии лично контролировать деятельность всего коллектива, нужны свои четко formalизованные моральные и ценностные устои, необходимые для успешной деятельности предприятия. Фирма навязывает свои правила и нормы поведения каждому новому сотруднику и контролирует процесс сращивания человека с фирмой. В сфере малого предпринимательства с малым количеством сотрудников корпоративная культура не имеет жесткого, регламентирующего характера, однако оказывает существенное влияния на повышение эффективности компаний.

Бизнес-этика – это система общих принципов и правил поведения субъектов предпринимательской деятельности, их общения и стиля работы. В основе деловой этики лежит учение о роли морали и нравственности в деловых отношениях, которые отражают материальные условия жизни общества.

В современном обществе свое значение

утратили и православный этический строй, и коммунистический, а западный этический строй не в состоянии обеспечить регуляцию социального действия российских бизнесменов, поэтому необходимо формирование нового этического строя. Новый этический строй должен соответствовать российскому характеру, а значит, учитывать импульсивность поведения предпринимателей, их ориентацию на коллективизм и иерархию взаимодействия; при этом соответствовать требованиям информационной эпохи. Однако требования эпохи еще до конца не осознаны, и как следствие, этика этой эпохи еще находится в зачаточном состоянии и на Западе, и тем более, в России.

Интересную попытку проинтерпретировать механизмы формирования наметившихся противоречивых тенденций в современном деловом этикете делает Мацковский: «Основная масса предпринимателей не желает ограничивать себя этическими рамками, поскольку само государство пока еще не создает условия, делающие «моральный» бизнес более выгодным, чем «аморальный». Бизнес должен быть моральным не потому, что необходимо во всем следовать христианской этике. Просто моральный бизнес приносит максимальную прибыль. Предпринимателям, которые работают на перспективу, необходимо думать о том, чтобы и они сами, и их партнеры придерживались моральных норм. «Моральных предпринимателей» больше, чем «неморальных», и среди них, наверняка, найдутся бизнесмены, которые открыто заявят о том, что в своей деятельности они будут строго придерживаться моральных принципов, и даже, если таких людей будет сначала немного, то и тогда, объединившись, они смогут оказать заметное влияние на процесс продвижения к этическому бизнесу».

Государство контролирует поддержание этических норм общества и сектора предпринимательства с помощью СМИ и политики образования, а также с помощью развития культуры, искусства и науки. Власти субъекта федерации поддерживают этический уровень сектора предпринимательства с помощью сбережения культурных ценностей, обеспечения индивидуальности культур и менталитета представителей различных национальностей.

Бизнес-этика включает в себя этику ведения переговоров с партнерами; этику ведения

документации; использование этических методов конкуренции, верность данному слову, принятому на себя обязательству и моральной ответственности за невыполнение установленных правовыми нормами обязанностей. Чтобы овладеть навыками бизнес-этики, предпринимателям нужно соблюдать следующие правила: пунктуальность, грамотность устной и письменной речи, доброжелательность и приветливость, dress-code.

Руководители высшего уровня не должны рассчитывать на то, что стандарты этики привыкаются сами собой, равно как и то, что подчиненные сами осознают необходимость поступать честно и порядочно. Лидерство во внедрении этических стандартов означает разъяснение и повторение работникам, что их обязанность заключается не только в соблюдении кодекса этики компании, но и в обязательном обнародовании фактов нарушения этики. Для внедрения этических стандартов необходимо следующее: руководители и работники должны четко знать, что этично, а что – нет, поэтому необходимы программы обучения этике с разъяснением и обсуждением спорных моментов; руководство должно регулярно напоминать о своей неуклонной поддержке этического кодекса компании и занимать твердую и последовательную позицию в вопросах этики; руководители должны выступать в роли арбитров в сложных ситуациях и принимать решительные меры, вплоть до снятия с ключевых должностей или прекращения трудовых отношений с работниками, виновными в нарушении этических норм компании. Отсутствие реакции на несоблюдение этических стандартов или недостаточно решительная реакция будут восприняты работниками как-то, что руководство на самом деле не заинтересовано в их соблюдении. В сфере малого предпринимательства заметно влияние бизнес-этики на эффективность труда, так как современные условия предполагают повышенную этику бизнеса, особенно в сфере услуг и торговли для придания предприятию большей конкурентоспособности.

Стандарты поведения поддерживают институционально закрепляемые роли и являются важной частью социального контроля. Стандарты поведения в малом предприятии должны быть приближены к реальной жизни и выражаться в кодексе этического поведения предпринимателей.

Государство контролирует соблюдение

стандартов поведения благодаря формальным и неформальным нормам и законам. В качестве формальных норм, можно рассмотреть общественные программы, главной целью которых является повышение нравственности и привитие положительных стандартов поведения. Образцами поведения стали предпримчивость, новаторство, инновационность. Возросла цена таких категорий, как социальная ответственность и гражданская ориентация. Важное место в формировании стандартов поведения занимает воспитание подрастающего поколения, его подготовка к самостоятельной деятельности, усиление кадрового потенциала предпринимательства. Для этой цели создаются школы бизнеса, школы юного менеджера, программы обучения старшеклассников. Навязывание единых стандартов поведения не приведет к положительным результатам, поэтому власти субъекта федерации могут лишь только способствовать поддержанию и контролировать выполнение общепризнанных стандартов.

Стандарты поведения – один из элементов корпоративной культуры, а именно свод правил, регламентирующий поведение сотрудников фирмы, так как сотрудник становится частью бизнес-процесса, и от следования стандартам поведения будет зависеть эффективность его деятельности и компании в целом. Поэтому предпринимательские поступки должны соотноситься как со стандартами поведения в обществе, так и со специфическими предпринимательскими стандартами, такими как:

- Работники МП должны брать на себя ответственность за последствия своей деятельности и предпринимать все усилия для того, чтобы их решения и поступки были честными и законными.
- Основное правило – не вредить намеренно, строго соблюдать все действующие законы и предписания, активно поддерживать, соблюдать на практике и пропагандировать кодекс этического поведения компании.
- Предприниматели вправе ожидать, что информация о товарах и услугах не ложна, а все стороны сделки намерены добровольно выполнять свои обязательства.
- Работники МП должны отдавать себе полный отчет в том, как их поведение влияет как на взаимоотношения внутри фирмы, так и на межорганизационные отношения.

Необходимо соблюдать конфиденциальность и анонимность в профессиональных взаимоотношениях, своевременно выполнять обязательства и обещания, избегать матипулирования с целью извлечения выгоды и увеличения личного благосостояния за счет нанесения, вреда организациям и другим лицам.

Фирменные стандарты в компании необходимы для того, чтобы:

- предотвратить типовые ошибки. Фирменные стандарты являются своего рода фильтром повторяющихся оплошностей.
- выработать полезные автоматизмы. Например, переходя дорогу, мы смотрим сначала налево, а потом направо, а не наоборот. Подобные автоматизмы целесообразно формировать и на фирме.
- стандарты упрощали работу, так как избавляют сотрудника от излишних непродуктивных размышлений, тем самым уменьшается усталость персонала и повышается качество работы.
- стандарты улучшили климат в коллективе. В частности, руководителю фирмы проще демонстрировать свой авторитет подчиненным, а сотрудникам – сохранять уважительно-профессиональные отношения друг с другом, если на фирме введены определенные правила обращения – например, на «Вы» и по имени-отчеству.
- стандарты могли задавать единый корпоративный стиль, что делает компанию узнаваемой. Это касается одежды персонала, интерьера, витрин, правил оформления документов и т. д. – всего того, на основании чего у клиентов формируется мнение о компании.
- Стандарты делают сотрудников заменяемыми, а фирму – более стабильной. Стандарты позволяют сократить срок адаптации вновь нанятых сотрудников, облегчают их обучение, дают руководителю удобный инструмент для оценки работы персонала и основу для прозрачной системы материального стимулирования.

Нередко попытки внедрения фирменных стандартов вызывают резкое недовольство со стороны подчиненных, привыкших работать по старинке. Особенно сильно сопротивление старых сотрудников, которым очень не хочется менять

существующий порядок

Дабы облегчить принятие стандартов персоналом фирмы, рекомендуется следующее:

- Стандарты обязательны для выполнения всеми, и в том числе самим руководством, которое должно являть пример для подчиненных.
- Естественно, стандарты должны быть замкнуты на существующую в компании мотивационную систему.
- Постепенное, «ползущее» внедрение. В разных отделах фирмы вводят сначала 2-3 стандарта по не самым принципиальным вопросам. Например, стандарты на оформление документов – это как правило не вызывает у сотрудников особых возражений.
- стандарты должны быть технологичны, инструментальны, то есть отвечать не только на вопрос «Что нужно делать в данной ситуации?», но и на вопрос «Как это сделать?».

Конечно, при внедрении фирменных стандартов происходит некоторый проигрыш в области «чувств», но при увеличении коллектива фирмы это неизбежно. Малое предпринимательство должно уделять внимание повышенным стандартам поведения, так как постоянно имеет дело с людьми в качестве персонала, клиентов, поставщиков и конкурентов, а также борясь за конкурентоспособность и популярность своего имени.

Одной из составляющих корпоративной культуры являются обычаи, закрепленные предпринимателями и передаваемые сотрудникам компаний.

Обычаи – это привычные, наиболее удобные и достаточно широко распространенные способы групповой деятельности. Различают два типа обычая: те образцы поведения, которым следуют как предмету хороших манер и вежливости, и те, которым мы должны следовать, так как они считаются существенными для благополучия индивида в обществе и их нарушение крайне нежелательно [1, стр. 56].

Обычаи отличаются от законов и обрядов тем, что, сложившись в более или менее отдаленные времена, переходят от поколения к поколению и часто продолжают существовать и тогда, когда уже утратилось сознание их первоначального значения и смысла. Обычай руководит всеми людьми, в большей или меньшей степени, на всех

ступенях культуры. На низших стадиях культуры обычай является регулятором жизни, умеряющим произвол отдельных лиц в интересах общины, в обществах с развитой культурой он принимает форму делового обычая. Власть РФ и субъектов федерации могут поддерживать обычай и традиции в секторе предпринимательства, так же как и привносить новые, через СМИ, культуру, образование, некоммерческие организации и союзы. Взаимоотношение власти и предпринимательства необходимо для эффективного развития страны и регионов.

Обычаи и традиции предпринимательства могут быть разнообразны и пронизывать все сферы бизнеса. К бизнес-традициям можно отнести: поздравления именинников, совместное проведение праздников, единый стиль обращения к новому клиенту, также приглашение в ресторан важного партнера и прочее. На МП обычай могут выражаться следующими действиями: уважение достоинства и умений каждого работника; поощрение высокой производительности труда и свободного обмена информацией; ответственность руководителей за развитие подчиненных; развитие трудовой демократии и привлечение работников к решению производственных и управлеченческих задач. Наличие обычаем и традиций в компании позволяет сделать атмосферу более дружелюбной, систематизировать постоянно повторяющиеся мероприятия и внести разнообразие в рабочий быт сотрудников.

Таким образом, для малого предпринимательства важность наличия обычаем состоит в следующем: социализация предпринимателей происходит на базе общепринятых общественных обычаем; возможность совершенствования обычаем в зависимости от современной ситуации приводит к упрощению функции руководства по управлению персоналом; обычай способствуют

адаптации новых сотрудников и корпоративной целостности. Несмотря на перечисленный положительный эффект обычаем на сферу предпринимательства, в этой сфере нет особой необходимости специально прорабатывать систему новых обычаем и делать акцент на привитие их сотрудникам, так как особенностью малого предприятия является небольшой коллектив, следовательно, управляемость достаточно легкая, и адаптация сотрудников проходит быстро.

Многочисленные исследования показали, что в реальности организационная культура неоднородна. Источником ее формирования может выступать не только идеология основателя бизнеса, но и национальная культура, а также целый комплекс внешних и внутренних факторов. На основании этого можно сделать вывод, что организационная культура – это сложное пересечение и наложение субкультур, которые сосуществуют на основе гармонии, безразличия, или конфликта [1, стр. 12-14].

Западные бизнесмены отметили, что россиянам не следует осуществлять поспешное заимствование культуры других стран. Были сформулированы различия российской и западной моделей корпоративной культуры. И в России, и в западных странах большое значение придается командному духу, коллективизму. Но понимание командного духа различно. В России оно ближе к взаимовыручке, солидарности: «один за всех и все за одного». На Западе же это – лояльность прежде всего по отношению к собственнику. Что происходит с корпоративной культурой в российских организациях, есть ли некие эталоны культуры? Корпоративная культура в российских организациях находится в стадии формирования, и процесс этот будет продолжаться до того времени, пока в России не разовьются подлинные рыночные отношения [3, стр. 432].

Список литературы

1. Волков Ю.Г., Добреков В.И., Нечипуренко В.Н., Попов А.В. Социология: Учебник / Под ред. проф. Ю.Г. Волкова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Гардарики, 2002. – 512 с.
2. Организационное поведение: Учебник для вузов / под ред. Г.Р. Латфуллина, О.Н. Громовой. – Спб.: Питер, 2004.
3. Организационное поведение: учебник для вузов / Под ред. Г.Р. Латфуллина, О.Н. Громовой. – Спб.: Питер, 2004.
4. Социальная политика: Учебник / Под общ. Ред. Н.А. Волгнина. – 2-е изд. Стереотип. – М.: Издательство «Экзамен», 2004. – 736 с.
5. Спивак В.А. Корпоративная культура. – Спб: Питер, 2001. – 352 с.

РАДУШИНСКИЙ Дмитрий Александрович,
доцент кафедры связей с общественностью и
массовых коммуникаций НОУ ВПО Санкт-
Петербургский Государственный инженерно-
экономический университет,
кандидат экономических наук
E-mail: D.Radoushinsky@gmail.com

Специальность 08.00.05 – Экономика и
управление народным хозяйством: маркетинг

ДУАЛИЗМ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ПОТРЕБЛЕНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ «НОВОГО МАРКЕТИНГА» ДЛЯ ДУХОВНОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. В статье изучается подход к развитию маркетинга, нацеленный на духовное философское развитие личности. На основе альтернативных экономических теорий и взглядов обозначается возможность корректировки действующих маркетинговых концепций в сторону развития услуг гуманитарного характера.

Ключевые слова: сильный бренд, особенности потребительского поведения, физическая экономика, партнерство брендов, философское развитие личности.

RADUSHINSKIY D.A.

THE DUALITY OF A MODERN CONSUMMATION THEORY AND THE POSSIBILITIES FOR THE ARISING OF A “NEW MARKETING” AIMED AT THE INNER DEVELOPMENT OF AN INDIVIDUALITY.

The summary. In clause the approach to development of marketing aimed on inner philosophical development of the person is studied. On the basis of the alternative economic theories and sights the opportunity of updating of the working marketing concepts with the new bias for development of services of humanitarian character is designated.

Key words: strong brand, features of consumer behaviour, physical economy, partnership of brands, philosophical development of the person.

В развитых странах, продемонстрировавших появление современного типа экономики (как это описано в работах Э. Тоффлера, Ф. Фукуямы, Д. Белла, Дж. Нейсбита, В.Л. Иноземцева и др.), высокая степень насыщения рынков способствовала изменению потребностей общества как с точки зрения их подлинно качественного совершенствования у одной группы лиц, так и с точки зрения усиления тяги к потреблению многообразия продуктов и зрелищ, (концепция «общества спектакля», описанная французским экзистенционалистом Ги Дебором), готовности пойти за соблазнительным ориентиром – у другой группы лиц. При этом *соблазн* в

обществе потребления формируется уже не идеологией и пропагандой тоталитарных режимов, а совокупностью популярных известных брендов в разных отраслях, которые являются неотъемлемым инструментом «Отчуждения смыслов» в «обществе спектакля».

Чтобы завоевать популярность у потребителей в условиях глобальной конкуренции, продукты и услуги должны возбуждать в человеке желание обладать ими, *соблазнять* потенциального покупателя. Один из исследователей глобальной экономики З. Бауман* отмечает: «Соблазн живет ровно столько времени, сколько продукт является недосягаемым... Одно желание сменяет другое в

роли движущего экономику рычага.. Желание приобретать, собирать материальные богатства вытесняется желанием новых впечатлений. Потребитель глобальной эпохи объективно должен абстрагироваться от гнетущего чувства оседлой жизни и выбирать, например, гостиницы, которые должны совмещать функции укрытия для ночлега и функции театра».

Движение, быстрая смена декораций – стиль жизни. Потребитель не желает останавливаться, пребывает в ожидании исполнения обещаний, не замечая красоты мгновения, по замечанию Баумана, становится «собирателем ощущений». Чтобы преуспеть в этом, рынку, в первую очередь, нужны *потребители, которые хотят быть соблазненными*. Эстетика и идеология потребительства прочно вплетаются в самоощущения человека, становясь стабильным источником разочарования (быстрое разочарование в том, что уже удалось пережить). При этом для большой массы людей происходит погоня за новыми соблазнами, а не за удовлетворением реальных потребностей.

Бауман специально останавливается на понятии «кочевник», применяемом по отношению к представителям эры постmodерна. По его мнению, оно уводит внимание от того факта, что существует два принципиально различных типа жизненного опыта современного человека. В глобальной иерархии мобильности образовалась «дыра», которая отделяет друг от друга два совершенно различных мира. «Для жителей мира глобально мобильных людей пространство потеряло свою сковывающую способность. Пространство легко преодолевается как в реальном, так и в виртуальном проявлении. Для жителей мира локально привязанных людей, пассивно принимающих перемены, реальное пространство сужено, его виртуально доступные удаленные сферы в реальности остаются недосягаемы... Первые живут во времени. Каждый его момент у них на вес золота. Вторые страдают от излишнего времени. Они не контролируют время, но и время не налагает на них больших ограничений. Лишь виртуальное, телевизионное время имеет какую-то структуру, все остальное время монотонно «ползет» вместе со стрелками часов...» [1, стр. 88].

Стоит отметить, что оценкой описанных Бауманом явлений, выявлением соотношения ценностей, генерируемых абстрактными

(виртуальными) величинами и реальным (в том числе физическим) прогрессом цивилизации, рассматривается в целом не только в социологии, психологии или антропологии, но и в экономической науке. Экономическая наука в ходе интенсивного технического развития цивилизации на протяжении последних трех веков заняла одно из центральных мест в общественном сознании. Этим местом она обязана той регулирующей роли, которую она призвана выполнять.

В течение этого времени экономика становилась все более глобальным отражением взглядов общества на действительность. Происходившие с обществом и людьми события все меньше объяснялись с точки зрения доктрины религии, при этом, прежде всего в Европе, все больше их стали объяснять в экономических терминах. В современном состоянии экономика, как наука, выполняет две основных функции: практическую – по управлению хозяйством страны и более мелких экономических субъектов – и нормативную – утверждение тех принципов, на которых должно основываться это управление, его характера, масштабов. Эта функция, воспринявшая на себя определенные религиозные и идеологические черты, наиболее деликатна и в реальных условиях является полем столкновения интересов глобальных силовых групп.

Согласно анализу ряда авторов, развитие мировой экономики в последние десятилетия с точки зрения удовлетворения реальных потребностей людей оказывается не так значительно, далеко не коррелирует с официально фиксированными темпами роста ВВП. Показательны исследования известного в протестных («альтернативных») кругах, но редко цитируемого центральными мировыми СМИ, американского экономиста и политического деятеля, главы Шиллеровского института, Линдана Ларуша (род. 1922). Он говорит о «*рузвельтовской схеме физической экономики*», которая впервые была научно описана в 1944 г. (включая и Бреттонвудскую систему фиксированных валютных курсов), но не смогла быть реализована в долгосрочном периоде в условиях той поры [7, стр. 115].

«Физическая экономика изучает особенности и принципы развития сферы материального (физического) производства с целью количественного и качественного улучшения наполнения «рыночной корзины» на базе

непрерывного научно-технологического прогресса, обеспечивающего длительное существование человечества на Земле» [4, 55]. Для измерения продуктивности физической экономики Л. Ларуш предлагает пользоваться такими показателями, как общий объем производства материальных благ, приходящийся на душу населения, на домохозяйство и квадратный километр**.

При этом автор исходит из человеческого фактора – уровня квалификации людей. С материально-производственными процессами тесно связаны только такие виды услуг, как образование, профессиональное здравоохранение, наука, классические виды изящных искусств – поэзия, драма, музыка, живопись, скульптура и архитектура. Научные и инженерно-научные исследования в сочетании с образованием создают рабочую силу с потенциалом высокого качества.

Общий вывод Л. Ларуша: «Валовой внутренний продукт является фальсифицированным понятием. Между 1963 и 1993 гг., усиленно подпитываемый спекуляцией, валовой внутренний продукт США возрос с 603,1 млрд. долл. До уровня 6374,0 млрд. долл. В течение этого периода «услуги», как компонент ВВП, выросли с 39% до 54%, но даже рост вне сферы услуг включал в себя значительную долю обмана. В течение этого периода ВВП, как утверждается, возрос десятикратно, секторы реальной физической экономики в расчете на домохозяйство и на душу населения, в действительности сократились в размерах от 30 до 50% и даже больше». Ларуш разъясняет свой вывод следующим образом: «Существующая статистическая практика счета национального дохода правительственными и другими имеющими широкое влияние агентствами, составляющими отчеты, отвергает любые попытки проводить рациональное различие между *физически ненужным расширением номинального дохода и полезным производством и потреблением*» [5, стр. 18].

Отметим, что концепции Л. Ларуша не являются содержанием экономических дисциплин, которые преподаются в большинстве университетов мира. «Майнстрим» (основное течение) экономической мысли, к которому относятся в настоящее время неоклассика, неоинституционализм и многие другие теории, исходит из нескольких иных предпосылок, относящихся прежде всего к соблюдению

установок индивидуальной экономической выгоды и известного *принципа методологического индивидуализма*.

Максимальное признание суверенитета отдельных экономических субъектов, придание их интересам статуса центрального, подчинение общественной жизни цели повышения экономического благосостояния и устройству системы идеального «рынка» – «открытого общества» – характерны для распространенной, благодаря понятности своих предпосылок, идеологии «экономизма».

Подход в экономической науке, который бы акцентировал внимание на взвешенном приоритете ценностей, с одной стороны, и приводил бы материальное совершенствование условий жизни людей в соответствие с их качественными (духовными) потребностями, с другой стороны, также можно соотнести с достаточно широким рядом известных имен. Редукционистская установка на индивидуальное обогащение и вытекающие из нее выводы относительно безусловной пользы максимальной экономической свободы и минимизации роли государства были подвергнуты сомнению (в разных аспектах) в ряде «альтернативных» экономических теорий XIX – XX вв. – Ф. Листа и немецкой Исторической школы, «старого» институционализма (линии Т. Веблена, Дж. К. Гелбрейта), в теории Кейнса, возврата И. Шумпеттера, Ф. Перру и многих других известных европейских, американских и японских экономистов.

На этом фоне особо выделяется отечественная традиция экономической мысли. Наряду с декларированным в советское время принципом отказа от материального стяжательства можно выделить и более раннюю линию, идущую в частности от экономистов пред-революционной эпохи, таких как Сергей Булгаков.

Общим для рассматриваемых теорий является то, что они не признают рынок самодостаточным компонентом, отвечающим за экономическую эффективность хозяйства страны в целом. Отмечая центральную роль рыночных стимулов, авторы указывали и на созидающую роль других компонентов системы – государства в установлении «экономического порядка» для совершенной конкуренции, гражданского общества для нахождения оптимального баланса сделок обмена и перераспределения, техноструктуры для технических прорывов и т. д.

В «альтернативных» мейнстриму теориях в большей степени нашла отражение реальная модель экономики и общества, создаваемая в западных странах со второй половины XX-го века. Реальная модель отличается тем, что пытается определить, при каких условиях свободный рынок ведет к экономическому прогрессу, пристально изучая при этом различия между видами деятельности, ведущими к *понижающейся и к повышающейся отдаче*, концепции догоняющего развития и т. д. Важнейшее место в реальных моделях экономики уделяется инновациям и объяснению условий их возникновения, в отличие от методологии неоклассики, где за тщательно математически разработанными моделями «инновации становятся Deus ex machine, возникающими из ниоткуда, в качестве толком не объясняемого приложения к свободе торговли» [9, стр. 13-14].

В начале XXI в. практически на всех экономических рынках (особенно на развитых) инновация содержитального характера обязательно должна быть поддержана инновацией форм и образов, которые формируются в воображении потребителя. Сильный бренд как инструмент конкурентной борьбы за потребителя формируется путем развития устойчивых образов и ассоциаций. «Наиболее успешные современные бренды не только имеют оригинальные идеи, но и способны обеспечить потребителям душевный комфорт, поскольку к материальному комфорту люди уже привыкли и ценят его все меньше... Потребители все чаще отдают предпочтение брендам, которые пытаются обозначить нечто существенное в жизни людей. Подобная тенденция привела к появлению новой группы брендов – так называемых «belief brands» («брендов веры»)...» [2, 41-42].

Приведем уместную в данном случае цитату из художественного произведения: «Мы на Западе берем на себя негласное обязательство потреблять образы себя, свои consumer identities, которые общество разрабатывает через специальные институты... Это потребление образов, связанных с материальными предметами... Секрет капиталистической одухотворенности заключен в искусстве потреблять образ себя..» [8, стр. 95-97].

Символический капитал является неотъемлемым атрибутом информационной экономики. Основная функция символического капитала – *создание особого понятийного*

контекста, который бы придавал товарам и услугам симпатии, доверие потребителей (добавленную ценность) по сравнению с другими товарами на основе ряда ассоциаций. Потребители готовы переплачивать не только за новые потребительские свойства или дополнительный сервис, но и за эмоции, которые они получают в процессе приобретения или использования.

В течение длительного времени топливом маркетинговой индустрии являлось развитие знаний о поведении человека. Прежде всего, изучались потребности: маркетологи сначала искали явные, потом скрытые потребности, затем искали возможности формирования потребностей. Предметом изучения были особенности потребительского поведения – изменяющиеся привычки и пристрастия, место и особенности совершения покупок, модели принятия решения о приобретении тех или иных категорий товаров и услуг, зависимость принимаемых потребителем решений от социальных факторов, образа жизни и состава семьи. Наиболее сложными для изучения оказались рефлекторные поступки, импульсивные действия потребителя, которыми руководит не расчет, а страсть или интуиция.

Новейшая бизнес-концепция смещает свои усилия на «устремленные в будущее» трансформации продукта и возможные дополнения к нему в перспективе. При этом, по мнению авторов, тот или иной бренд, в первую очередь, должен делать содержательный выбор: апеллировать либо к группе (клUSTERУ) ценностей, которые можно обозначить как «нарциссические», либо к группе ценностей, которую можно обозначить как «философские».

Данная дуалистичность поясняется противоположными оценками сегодняшней массовой культуры потребления и определения ее вектора разными авторами. Так, одним из ведущих современных футурологов Жаком Аттали ход мирового экономического развития рассматривается как движение к некой идеальной модели Торгового Столя, обладающей рядом особенностей: «всемогущество денег – самый справедливый порядок правления, мировое правительство – единственный ответ на проблемы завтрашнего дня и абсолютная неизбежность...». При этом в плане культуры потребления материальных благ Торговый Стой имеет важную особенность – предельный индивидуализм, доходящий до нарцисизма. Ж. Аттали поясняет:

«Нарциссизм станет гидом для человека завтрашнего дня,.. ритмом Закона будет эфемерность, высшим истоком желания будет нарциссизм» [6, стр. 27-28].

В противоположность тезисам Ж. Аттали одним из молодых российских маркетологов указывается: «Обещаниями старого, традиционного маркетинга тоталитарного свойства было получение человеком неких выгод, которые имели значение прежде всего в социуме, таких как признание, привлекательность, сила, ум, положение в обществе, достижение определенного результата. Обещаниями *нового маркетинга*, в противовес, будут обещания покоя, мира, внутренней гармонии с самим собой, ментального или философского развития личности. Это могут быть обещания поступательного движения человека по пути развития его представлений о

смысле вещей... Примирающая функция маркетинга будет реализована, скорее всего, через продвижение «нагруженных» смыслом товаров и услуг,.. различных услугах гуманитарного характера, в возможности людей приобретать иное душевное состояние... для снятия социального и психологического напряжения.. Новой задачей брендинга *станет партнерство брендов в пространстве личности*» [3, стр. 58-61, 200].

Таким образом, налицо различный и даже диаметрально противоположный подход к видению роли маркетинга и символических ценностных составляющих, которыми могут «нагружаться» товары, торговые марки, бренды в целях более успешной реализации. Либо символы бренда используется для удовлетворения нарциссических стремлений, либо – потребностей внутренней гармонии и философского развития личности.

Примечания

- * Зигмунт Бауман в 1968 г. эмигрировал из Польши, где преподавал социологию в Варшавском университете, далее получил «кроскультурный опыт» работы в Израиле, США, Австралии, Дании, Великобритании [10, стр. 17].
- ** Это потенциальная относительная плотность населения на 1 кв. км. территории. Эта величина показывает, какая плотность населения может быть потенциально поддержана при данном научно-техническом обеспечении материального производства и данном составе потребительской корзины в расчете на домохозяйство, необходимом для его жизнеобеспечения с учетом воспроизводства человеческого фонда непрерывно возрастающей квалификации и улучшающегося физического состояния (здоровья). Именно эту величину Л. Ларуш предлагает взять как базовую меру прогресса человечества. Он считает ее также опорной величиной для всех экономических расчетов и прогнозов.

Список литературы

1. Bauman, Z. Globalization: The Human Consequences. Columbia University Press. – New York, 1998.
2. Багиев Г.Л., Козейчук Д.А. Оценка стоимости бренда потребительских товаров с учетом фактора лояльности: Учебно-методическое пособие. – СПб.: Изд-во СПбГУЭиФ, 2007.
3. Буланов А. Завтра-маркетинг. – СПб: ИД «Питер», 2008. – 240 с.
4. Ларуш Л. Физическая экономика, как платоновская эпистемологическая основа всех отраслей человеческого знания. – М., 1997.
5. Ларуш Л. Место России в мировой истории. Шиллеровский институт науки и культуры. Бюллетень № 8. – М., 1998.
6. Левалуа К. Сочти число Зверя: замечания о книге Жака Аттали «Линии горизонта» // Элементы. – 1992. – №2.
7. Мировой кризис и его социально-экономические последствия для России: Коллективная монография. – СПб.: Изд-во «Союз», 2009. – 176 с.
8. Пелевин В.О. Числа. – М: Эксмо, 2006.
9. Райнерт Э. Забытые уроки прошлых успехов // Эксперт. – 2010. – №1.
10. Сизиков А.А. Транснациональное пространство и общество потребления в концепциях глобализации З. Баумана // Проблемы современной экономики. – 2004. – №3.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Мир политики и социологии» публикует научные статьи и материалы различной политической и социологической тематики, отвечающие требованиям научной новизны, актуальности, фундаментальности и аргументации выводов.

Редакция принимает к рассмотрению научные статьи на русском языке. Срок принятия решения о публикации – не более двух месяцев с даты регистрации рукописи.

Основания для включения статьи в журнал являются:

- положительная рецензия независимого рецензента, определяемого редакционным советом направления журнала;
- для аспирантов дополнительно – отзыв-рекомендация научного руководителя;
- издательский договор с автором статьи;
- лицензионный договор о передаче прав на использование произведения автора;
- выполнение правил представления рукописей и требований к их оформлению.

Требования к оформлению статьи

1. Статья присыпается в электронном варианте.
2. Электронный вариант статьи представляется в формате Word или RTF, кегль 14 «Times New Roman», полуторный междусторочный интервал.
3. Объем статьи – не менее 12 стр., но не более 18 стр. (до 40 000 знаков, включая пробелы); объем статьи для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – не менее 6 стр.
4. Рисунки встраиваются в формате BMP, диаграммы – в формате Excel, таблицы - в формате Word.
5. Тема статьи – на русском и английском языках.
6. Аннотация статьи – на русском и английском языках (не более 1000 знаков, включая пробелы).
7. Ключевые слова – на русском и английском языках (не более 7).
8. Затекстовые ссылки оформляются в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Список литературы». Источники располагаются в алфавитном порядке. Сначала указываются нормативные акты, затем материалы на иностранном языке и, наконец, на русском языке. Для связи затекстовых библиографических ссылок с текстом статьи используют знак отсылки, который приводят в виде цифр (порядковых номеров). Отсылки в тексте статьи заключаются в квадратные скобки. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста/документа, то в отсылке указываются порядковый номер и страницы. Сведения разделяют запятой. Например:

- в тексте: [7, стр. 15].
- в затекстовой ссылке: 7. Чибинев В. М., Макаров Д. А. Эволюция государственности степных народов Евразии и их влияние на становление древнерусского государства. – Санкт-Петербург: ЛЕМА, 2008. – 361 с.
- 9. Если автор считает необходимым привести ряд комментариев, то перед списком литературы необходимо создать раздел под заглавием «Примечания», в котором в порядке очередности будут указаны авторские уточнения или пояснения, обозначенные в тексте одной и несколькими (до трех) звездочками.
- 10. Специальные символы (например, греческие, древнерусские и другие редкие буквы) оформляются в виде картинки или сопровождаются шрифтами с данными символами.

Всех авторов просим обратить внимание на требования к оформлению статей, поскольку игнорирование хотя бы одного вышеуказанного пункта даёт редакции право отказать в публикации Вашей статьи.

К тексту статьи прилагаются данные об авторе

1. Ф. И. О. автора (полностью на русском и английском языках).

2. Полное название (на русском и английском языках) организации, где работает автор, с указанием города, страны.
3. Почтовый адрес.
4. Контактный адрес: E-mail, телефон, факс.
5. Ученая степень и звание.
6. Основные направления научных исследований.
7. Специальность по Номенклатуре специальностей научных работников.
8. Для аспирантов и соискателей: научный руководитель (Ф. И. О., научная степень, ученое звание, должность).

Обязательными компонентами условий включения статьи в научный журнал являются:

- представление автором текста статьи и комплекта сопутствующих документов в строгом соответствии с вышенназванными требованиями, подтверждаемое получением регистрационного номера;
- подписание лицензионного договора;
- предварительная оплата автором научного рецензирования статьи (рецензентом, определяемым редакционным советом направления журнала).

Рукопись статьи направляется рецензентам после поступления на счет Издательства оплаты по договору на этот вид деятельности.

Печать статьи в порядке естественной очередности с предоставлением одного экземпляра ее оттиска при получении положительной рецензии производится для автора бесплатно. Оплата расходов за редактирование и полиграфию осуществляется за счет средств ООО «Образовательный центр «СоветникЪ».

В случае необходимости срочной публикации статьи Издательство может после получения положительной рецензии за отдельную плату реализовать определяемый автором ускоренный выход статьи в свет: один, полтора, два, два с половиной, три или три с половиной месяца после подписания журнала в печать.

В этом случае автор также компенсирует все затраты по выпуску его статьи. Автору предоставляется один экземпляр журнала с собственной статьей.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

По просьбе автора могут предоставляться дополнительные платные услуги:

1. Одно повторное рецензирование статьи, в случае неположительной первой рецензии.
2. Литературное редактирование.
3. Написание и перевод на английский язык текста аннотаций, перечня ключевых слов.
4. Продажа дополнительных экземпляров журнала на льготных условиях.
5. Предоставление библиографического описания и электронной версии окончательного варианта статьи с указанием страниц в журнале сразу после появления оригинал-макета номера журнала.

Перечень обязательных и дополнительных услуг, а также полная стоимость публикации статьи в журнале определяется издательским договором.

Рукопись статьи и сопутствующие ей документы направляются на редактирование и в печать после поступления средств на счет по издательскому договору.

Авторские гонорары не выплачиваются. Рукописи и сопутствующие материалы не возвращаются.

Материалы просим присыпать по адресу:

Редакция журнала «Мир политики и социологии»,
198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
тел.: 8 (901) 370-00-25
тел. / факс: (812) 755-56-58
E-mail: magazine-sovetnik@yandex.ru
www.centersovetnik.ru

Федеральная служба
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

СВИДЕТЕЛЬСТВО

О РЕГИСТРАЦИИ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

ПИ № ФС77-40505

от 01 июля 2010 г.

Название

Мир политики и социологии

Адрес редакции

198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114,
корп. 1, лит. Б

Примерная тематика и (или) специализация Научная; реклама не более
40 %

Форма периодического распространения

журнал

Язык(и) русский

Территория распространения

Российская Федерация

Учредитель (соучредители)

Общество с ограниченной
ответственностью "Образовательный центр «СоветникЪ»
(198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б)

Заместитель Руководителя

Р.В. Шередин

Начальник Управления
разрешительной работы в сфере
массовых коммуникаций

М.Ю. Ксензов

Настоящее свидетельство выдано в соответствии с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 года
№ 2124-1 "О средствах массовой информации".
Нарушение законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации влечет ответственность в
соответствии с законодательством Российской Федерации.

017613

Корректор Щурова Е.Ю.
Верстка Ларин Д.А.

**ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«МИР ПОЛИТИКИ И СОЦИОЛОГИИ»**

№ 3, 2011

Подписано в печать 20.03.2011. Формат 60 x 84^{1/8}. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 5,5 уч.-изд. л.; 5,5 усл. печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 375.
ООО «Образовательный центр «СоветникЪ»
